

**АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ РУКОПИСЕЙ
ИМЕНИ Х. С. СУЛЕЙМАНОВА**

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА ВОСТОКА

НИЗАМИ

ИЗБРАННОЕ

**Издательство ЦК Компартии Узбекистана
Ташкент — 1982**

Редколлегия: Абдурахманов Ф. А., Ахмедходжаев Э. Т., Джаббаров Д. Д., Каюмов А. П., Пармузин Б. С., Шагулямов И. Ш., Шамухамедов Ш. М.

Перевод с фарси

Великий азербайджанский поэт Низами Ганджеви (1141 — 1209) создал знаменитую книгу поэм «Хамсе» («Пятерицу»), а также ряд лирических стихов.

В этот сборник вошли наиболее популярные газели, рубаи, кытга, касыды отрывки из поэм «Сокровищница тайн» и «Семь красавиц».

Составитель Шанслам Шамухамедов

Редактор Борис Пармузин

©Издательство ЦК Компартии Узбекистана, 1982

НИЗАМИ (1141 — 1209)

Творчество великого азербайджанского поэта Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф Низами Ганджеви стало достоянием не только его родного народа. Произведения поэта, широко известные на Среднем и Ближнем Востоке, обогатили сокровищницу мировой литературы.

Низами почти всю свою жизнь провел в родной Ганджи (нынешний город Кировобад Азербайджанской ССР). Он отказался пойти на службу к царям, жил вдали от шахских дворцов, по его признанию, в бедноте.

Низами, писавший по традиции средневековья на языке фарси, оставил нам большое поэтическое наследие.

Основное богатство составляет его «Хамсе» («Пятерица»), куда входят дидактико-философская поэма «Сокровищница тайн», романтические поэмы «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц» и историческая поэма «Искендер-наме» (книга об Александре Македонском), которую Низами считал итогом своей творческой работы.

«Хамсе» Низами пользовалась большим успехом на Востоке. После того, как Амир Хосров Дехлеви создал свою «Хамсу», популярность великого творения Низами еще более возросла.

Хамсеневиси стала традицией — традицией соизмерять свои силы с Низами, проверять свой талант на пробном камне классического произведения.

Только на фарси было написано более сорока «Хамсе». Однако очень немногие авторы выдержали испытание временем.

Алишер Навои говорит:

Все, что потом им подражать пошли,
К ограде сада мусор принесли.

Только несколько поэтов — Хосров Дехлеви, Навои и Джами смогли создать свои оригинальные произведения.

Лирика Низами полностью не сохранилась, но и по глотку воды мы можем определить вкус моря.

Небольшое количество газелей, кыт'а, рубай и других стихов Низами свидетельствует, что в малой лирической форме он также был большим мастером.

В произведениях Низами гуманистическая идея, развивающаяся в творчестве классиков персоязычной литературы, более конкретизировалась и поднялась на новую ступень развития. Это и есть та сила, которая придает его произведениям вечную свежесть.

Поэт пишет:

Старайся пригодиться народу,
Собою украшай природу.

Или другие строки:

Многим делам дружба успехи дала,
Друг необходим, чтоб спорились дела.

Подобные мысли звучат во многих произведениях поэта. Особенно в его касыдах и газелях.

Поэт находит удивительные метафоры и сравнения, анонимические рифмы, образные народные выражения. Такие строки не подвластны времени. Дошедшие через многие века, они вновь и вновь волнуют читателей.

У великого сына азербайджанского народа, гениального мыслителя, гуманиста Низами Ганджеви сейчас миллионы читателей во всех уголках мира. И узбекский народ питает к нему великую любовь. Одним из тех, кто зажег этот благородный огонь любви к Низами, был гениальный Алишер Навои.

Как известно, он относился к Низами с великим уважением, очень высоко отзывался о его творчестве и, считая его своим учителем, писал:

Кого с тобой в сравнение ни возьми,
Никто тебе не равен, Низами!..

Шаислам Шамухамедов

Г А З Е Л И

* * *

Готова молодость твоя откочевать, схвати ее.
Родную кинувший страну, скажи мне: где пути ее?

Затем согнулись старики, давно изведавшие мир,
Что ищут юность; глядя в прах, все мнят в пыли найти ее.

Зачем бросаешь ты, скажи, на буйный ветер жизнь свою?
Припомни вечность. Надо здесь тебе приобрести ее.

Ведь жизнь не жизнью ты купил, не знаешь цену жизни
ты.
Жемчужины не взвесил вор, хоть он зажал в горсти ее.

Коль будешь радоваться ты — в отставку горе не уйдет.
Горюя, радость не спугнуть, навек не отмести ее.

Дай органона звоны нам! Дай аргаванное вино!
Есть песнь любви, о Низами! На радость в мир пусти ее!

* * *

О кумир! Мне знак призывный глазом шаловливым
сделай.
Испели свиданьем сердце, время ночи дивом сделай.

Все одно мне счастье снится: в полумгле тебя лобзаю.
Кудри черные приблизив, ты меня счастливым сделай.

Падишахи благосклонно бедняков ласкают взором.
Погляди по-падишахски, взор свой неспесивым сделай.

Низами тебе на рабство препоясался. На рынке
Ты купи меня, гуламом ты меня нелестивым сделай.

* * *

Мне ночь не в ночь, мне в ночь невмочь, когда тебя нету со
мной.
Сон мчится прочь, сон мчится прочь, беда в мой вступает
покой.

Клянусь, придет свиданья час: пройти бы не мог
стороной.
Клянусь я мглою кос твоих, уйдешь, — и охвачен я мглой.

Не мне ль нестись к тебе одной, стремиться могу ли
к другой?
Тебе ль искать подобных мне, — не тешусь надеждой
пустой.

Сравнись со мной — величье ты, взглядишь — никну
я пред тобой.
Сравнюсь с тобой — не прах ли я? Все клады в тебе лишь
одной.

Нет глаз, чтоб видеть мне твой лик, мне радости нет под
луной.
Нет ног — поспеть к тебе, нет рук, чтоб с жаркой сложить
их мольбой.

Забыла ты о Низами, владея моею судьбой.

Днем гороскопы числю я, в ночь звезды слежу над собой.

* * *

Во влюбленных, как во львов, взором мечешь стрелы ты.
Тех, в ком львиные сердца, дней лишаешь смело ты.

Целясь стрелами ресниц, не спускаешь тетивы.
Диво! Не пустив стрелы, сердце мне задела ты.

Я, увидевши твой лик, власяницу разорвал.
Лишь похмелье — не вино — плешь мне без предела ты.

Жду чего я? Раздробить сердцем каменным своим
Сердце хрупкое мое, верно, захотела ты.

Поминаю каждый день ночь свидания с тобой.
А по крови ран моих дни считать велела ты.

Ищешь розу, Низами,— терн мучительный прими.
От такого никогда не уйдешь удела ты.

* * *

Спустилась ночь. Явись, Луна, в мой дом приди на миг!
Душа желанием полна,— о, погляди на миг!

Ты жизни плещущей родник, исток существованья,
Недаром я к тебе приник,— прильни к груди на миг!

Не ненавидь, не прекословь, дай мне немного счастья!
Смотри, как жадно бьется кровь,— к ней припади на миг!

Верь этим благодным слезам, и, если я отравлен,
От черной немочи, бальзам, освободи на миг!

Зачем ты пляшешь на ветру, изменчивое пламя?
Будь благовоньем на пиру и улади на миг!

Но смоль волос вокруг чела — тугры крылатой росчерк.
Я раб, султаном ты пришла, — так награди на миг!

* * *

Краса! Краса! Грабитель душ! Принять твой хищный
взгляд желаю.

Ты ярко озаряешь ночь, я взять горящий клад желаю.

Уста и родинка, что мир спалили, — сахар и сандал.
Куритесь, сахар и сандал! Душистых я отрад желаю.

У соли ведь соленый вкус, и сладкою не станет соль.
Хоть сладкая солонка ты, но я таких услад желаю.

Два мира, помня о тебе, в едином этом кубке пью.
И если кубок ты нальешь, будь это даже яд, — желаю.

Кудрей блестящих аромат наполнил амброй мир вокруг.
Как эта амбра хороша! Вдыхать я аромат желаю.

Я опоясал Низами всю жизнь служить кудрям твоим.
Твой локон молвил: «Обрести тебя слугой — будь рад —
желаю».

Я всю ночь не сплю, мечтаю: будь хоть ночь со мною ты.
Не захочешь — снова сердце наградишь тоскою ты.

Ты других ласкаешь нежно, и глаза твои — нарцисс,
На мою звезду посмотришь колкою травой ты.

Дружбой хвастаешься дерзко с тысячью врагов моих
И меня стыдишь пред ними, о создание злое, ты.

Постучись в согласия двери, будь хоть день в ладу со
мною,
Не страшны враги мне, если ласкова порою ты.

Ты куда летишь, как птица? Как тебя мне разгадать?
Нет, не поймана не глазом, не моей душою ты.

Город весь тебя желал бы, не один лишь Низами,
Но лишь только Ахсатана обняла рукою ты.

За тобою влекущийся, я смертельного края достиг.
Меч разлуки костей моих, их легко раздробляя, достиг.

На пути твоих прихотей сердце стало харчевней скорбей.
Не один караван ее, прах пути поднимая, достиг.

Сквозь года многобурные жизни нашей играющий чели.
— О беда, о отчаянье! — берега, груз свой теряя, достиг.

Птица, сети порвавшая, разве в сети вернется опять?
Жизни канувшей молвишь ли: вновь тебя я, бывая,
достиг?

Не ценил наши встречи я, блага я не ценил потому,
Что я блага нежданно, ожиданья не зная, достиг.

* * *

Гнет страсти мне в сердце — ведь сердце мишень —
вошел.

Мой крик в небеса, сквозь лазурную сень, вошел.

Нет, мне не забыть ноготка на руке твоей!
Нож в сердце мое — мучить милой не лень — вошел.

Что толку скрывать в этом мире любовь к тебе!
В тот мир уж давно слух о ней, словно тень, вошел.

Мой дух за тобой с караваном хотел брести.
Да снова в свой дом — за ступенью ступень — вошел.

Ты молвила мне: «Низами, я приду». Спешу!
Судьбою назначенный, в горницу день вошел.

* * *

Сердца людей забирать в полон умеет зульф благовонный
твой,

Всечасно в муку сердца людей ввергает взор
непреклонный твой.

Тот, кто увидел хоть раз твой лик, мгновенно стан опоясал
твой,

Горя желаньем тебе служить, — навек он раб обреченный
твой.

Чтоб взор недобрый не сглазил тебя, уж сколько дней,
в предрассветный час,
Шепчу благие молитвы я, вздыхатель, страстно
влюбленный твой!

В укор мне слезы мои не ставь, хотя тебя недостойн я:
Сухим остаться не может взор, во взор глядящий
бездонный твой.

Меня в игре перекрыла ты, и бита ставка души моей,
Но не плутуй ты со мной в игре, — ведь я слуга
побежденный твой.

Таких, как я, Низами, толпа к твоей руке путеводной
тнет.
Ты, как Иса, чудеса творишь, рубин врачует червонный
твой.

* * *

Я полюбил тебя. Куда теперь шагнуть?
Путь праведный избрать или позорный путь?

Пока жива душа, живешь в моей душе.
А если мне не быть, то ты на свете будь.

Из-за любви со мной враждуют города,
Раз не прощаешь ты, простит ли кто-нибудь?

С протянутой рукой твой локон стерегу,
Забытого бежать и презирать забудь.

О, пусть никто, как я, не будет без тебя.
Не я проник к тебе: тоска проникла в грудь.

* * *

В ночи я знаю: сердце мне от той отвлечь придется,
На чьей дороге утренней мне снова лечь придется.

Возлюбленная избрана, и, чтоб избрать другую,
Придется сбросить эту жизнь, вторую влечь придется.

Луна! Тебе я жертвой стал,— благословен твой
праздник!—
Мне по твоим глазам гадать — как ни перечь —
придется.

Попоной твоего коня я голову прикрою,
Воительница! Вновь ронять мне жалкий меч придется.

В дар на пиру прими меня,— ужели жемчуг слезный
Мне в золотом ларце моем всю жизнь беречь придется?

С дороги убери скорей обычай ранить сердце,
Горячей кровью мне залить дорогу сеч придется.

Из сердца эта влага бьет, из глаз моих струится,—
Прах Низами у ног твоих — ей смыть и сжечь придется!

* * *

Тоскую о красе твоей, о взоре о едином.
Я раб тебе, кому ж еще стал взор твой господином?

О лице, об устах твоих — свидетели глаза твои:
Коль ты свидетель и истец, не отыскать судьи нам.

Молю, непонимающим не открывай красы своей:
Ревную я и к зеркалу по явственным причинам.

Ты мускус. Ветер утренний не проникал до тайн твоих,
Кудрей твоих не треплет он, гуляя по долинам.

Вода, сердца поящая, с твоей стремится улицы.
И день и ночь разбой идет вдоль по твоим тропинам.

* * *

Знай: чудо красоты твоей — души моей владыка.
Как будто вся краса земли — в одной тебе, великой.

Дай ласку мне отрадную, о, поцелуй уста мои,—
Я нищ, мне от тебя нужна хоть малая толика.

Спросил я: «Сердце где мое?» Ответствует лукаво:
«А там, где не найдешь его, и в том любви улика».

Я неустанно слезы лью, пощады я твоей молю:
«Не мой ты рук в моей крови»,— но нет, не слышишь
крика.

Что говорить перед людьми, как сильно любит Низами,
Когда прекрасней сердца нет и нет прекрасней лика?

Но если шах Кызыл-Арслан тебя про ласку спросит,
Что государю своему ответишь ты, скажи-ка?

* * *

Мир покаянья моего разрушен вновь огнем любви.
Вновь разглядеться мне пора несмеланным вином любви.

Кумиром сердце зажжено, чье имя вечное Зухра,—
И солнце силы лишено пред нежным божеством любви!

Хоть искра падает любви в любое сердце, назови
Жаркое, что тебе милей, чем сердце под ножом любви?

Твой глаз намеком мне сказал, сказал: «Твоя — но
потерни».
Аллах! Я терпелив, но жизнь идти спешит путем любви.

Пушай охотится на всех газелеоких, но меня
Разит ее очей газель, едва забудусь сном любви.

Она вольна меня карать, о, пусть измучает меня,
Но лишь не прогоняет прочь, не замыкает дом любви.

Хоть грех великий — без вины разить таких, как Низами,
Пушай разит, пушай разит, когда я стал рабом любви!

* * *

Спеши, о, спеши, без тебя умираю!
Мне помощь подай,— без нее пропадаю!

В крови мое сердце, стенаю в разлуке:
Свиданья! Тоска! Часа встречи не знаю!

Уж раз ремесло твое — быть музыкантом,
Я звуков высоких и низких желаю.

Басмой лук бровей не натягивай грозно
До самых ушей! Шли стрелу! Ожидаю.

Ты знаешь, что жить без тебя я не в силах.
Ты жизнь мою хочешь, бери же,— бросаю!

Я вижу: удачи я жаждал напрасно,—
Я вздохом последним тебя призываю.

Тебе Низами отдает свою душу,
Прими — как страдания я принимаю.

* * *

Скорбь моя благословенна, вечно по тебе она.
Эта скорбь за все отрады мной не будет отдана.

Скорбь моя веселья лучше. Что на это молвишь ты?
Лучше бьешь ты, чем ласкаешь. Эта речь и мне странна.

Я тебе служу покорно, хоть служить и права нет.
Ты же мне помочь не хочешь, хоть вся власть тебе дана.

Без речей ты мне сказала: «Жди свидания со мной».
Может быть, не в этой жизни? Здесь надежда не видна.

Как вместить иную в сердце? Место в сердце — для тебя,
Кто с тобою схож? Ответь мне. С кем ты схожа? Ты —
одна!

* * *

Расступился черный мускус, и она всплыла вчера.
Оттого пришли в порядок все мои дела вчера.

Луноликая спешила, соглядатаев боясь,
Полотно с луны срывая, розы обожгла вчера.

На жемчужину глядел я, глаз не властен отвести,
Словно по моим ресницам — влажная — сошла вчера.

И покоились мы рядом. Пробудилось — и бегом
Счастье резвое пустилось, чуть сгустилась мгла вчера.

«Ухожу! — она сказала. — Что мне дать в залог тебе?»
«Поцелуй», — я той ответил, что мне жизнь дала вчера.

Я проснулся, опаленный, и огонь во мне горит, —
Впрямь была вода живая в той слезе светла вчера.

Головою ширваншаха вам клянется Низами:
Лишь во сне со мною вместе милая была вчера.

* * *

Ты видишь: я твой давний друг, — зачем томишь тоской
меня,
Зачем отталкиваешь ты с небрежностью такой меня?

Коль спросишь о беде моей, оставь меня в моей беде,
Коль озабочу я тебя, забудь в заботе злой меня.

Я пред людьми тобой горжусь, но как меня
стыдишься ты!
Я приношу тебе любовь, а ты даришь враждой меня.

Какой бы цвет не приняла,— и я такой же цвет приму,
Аллаха славь, носи зуннар, увидят все с тобой меня.

Коль скорбь моя не тяжела, тебе со мной скорбеть легко,
А если я пред ней склонюсь, прогонишь с глаз долой меня.

Своим сокровищем тебя всегда признает Низами.
Тебе пристало унижать, казня своей рукой меня.

* * *

О, день мой счастливый: я видел лица твоего овал!
О, рок мой, он благосклонен: я твой аромат вдыхал.

Я господа славословлю, о, пламень очей моих,
К ногам красоты сегодня взор мой счастливый упал.

Противоядье — свиданье! Два мира ему цена.
Губительный яд разлуки испробовал я, узнал.

Кто хоть однажды взглядом окинет красу твою,
Не скажет, что я понапрасну тебя для любви избрал.

Как вырвать теперь из сердца, о друг мой, любовь
к тебе,—
Ведь с жизнью и с телом вместе я эту любовь питал.

Душа аромату свиданья возрадовалась давно,
Но время прошло, я в клочья рубаху в тоске порвал.

С пылающим кровью сердцем все это сказал Низами.
О, день мой счастливый: я видел лица твоего овал!

* * *

Эй, бабочка, гаси свечю! Уж светоч здесь влекущий мой.
Эй, туча, всю кровью плачь! Уж розан здесь цветущий
мой.

Ристалищем твоим я стал, я дань твоя в день торжества:
Фагфур в мой Индостан пришел — властитель
всемогущий мой.

Ведь стан ее — что кипарис, пред ним робеет райский
страж,
Я раб ее, она султан, владыка вездесущий мой.

Блеснуло, как свеча, лицо, и крылья мотылек спалил,
Я, жаждущий, склонил уста, она родник зовущий мой.

Я ей сказал: «Любви полна, побудь со мною, с Низами!»
Она в ответ: «С ним буду я, он — радости несущий —
мой!»

* * *

Спать не стоит! Станем лучше веселиться до утра!
Этот сон в другие ночи мной продлится до утра.

То к тебе прижму я веки, то тебя душою пью,
Чтоб тебе вот в этом сердце поселиться до утра.

Ты, дитя, миндальноока, сахар — твой красивый рот,
Пьяным любо снедью этой усладиться до утра.

— 18 —

До утра вчера в разлуке руки горестно ломал.
Ночь — и я в венце, и розам не развиться до утра.

Жизнь свою тебе я отдал. Вот — рука, и весь я твой.
Дважды шесть! И в надрах счастье нам сулится до утра!

Ты склони свой сульф смиренно и до полночи целуй.
Растрепи, как сульф, смиренье, — винам литься до утра.

К Низами стихам склоняйся! Что кольцу в твоём ушке
До кольца дверного! Кто-то пусть стучится до утра!

* * *

Дивен аромат кумира. Лишь ко мне повеет он, —
Как Иса животворящий, душу мне согреет он.

Взор мой — словно взор Якуба, обоняющего ткань,
Что Юсуфа облекала: под слезой светлеет он.

Зульф кумира благовоньем наполняет вешний сад,
Насыщать рейхана вздохи сладостью умеет он.

Под его дыханьем роза разрывает свой наряд;
На жасмин взгляни: красуясь белой шапкой, млеет он.

Жизнь в мои вдыхает члены черных прядей аромат
Поутру, когда, как мускус, надо мною реет он.

О моем кумире грежу. Ах, когда-нибудь меня,
Разлучившегося с сердцем, — верю! — пожалеет он.

Если близ могилы друга друг дорогою пройдет,
С ним заговорит покойник, хоть давно уж тлеет он.

В миг свидания воскликнет благодарный Низами:
«Мой кумир со мной, навеки скорбь мою рассеет он».

* * *

Лик покажи свой. Я созерцать блеск гулистана жажду.
Рай приоткрой мне сахарных уст. Их непрестанно
жажду.

Дивен цветник свиданья с тобой: нет в нем шипов,
и все же
Благоуханных жажду я роз, плоти их рдяной жажду.

В доме игорном иль в кабаке стать навсегда залогом
Вместо давно пропитой чалмы, вместо кафтана жажду.

В кельях суфийских я не слышал нелицемерной речи;
Мне на плечо поставьте вино. Полного жбана жажду.

С чашей хмельного в правой руке, с локоном друга
в левой
Я посреди базара бродить с грезой пьяной жажду.

Наземь чалму свою уронив, темя бия руками,
В пляске топтать ковры стариков, верных корану, жажду

Долго ли мне чело преклонять перед порогом школы?
Скит иль кумирню сделать своей целью желанной жажду

Стали ко мне друзья мои все злей скорпионов лютых, —
Ныне с ехидной в дружбу вступить я, бездыханный,
жажду.

Сердце любовной страсти отдать, не выходить из круга
Тех, что пленяют жаром очей, гибкостью стана, жажду.

Горечь разлуки душу мою нудит к губам подняться;
Ах, поцелуя, что исцелит тяжкие раны, жажду.

Я, Низами, тебе на уста хоть бы одно лобзание
Робко сложить, как будто на длань мощного хана,
жажду.

* * *

Не было ей равных; скрылась, лунолика и бела.
День лица ее сияет, а в кудрях ночная мгла.

Все сердца для уст румяных — финик или молоко;
Поглощает их. Лобзая, всем им жить бы помогла.

Благочестие похитил мускусной косы аркан.
В душу сладостную тихо горькая тоска вошла.

Без нее мне нет покоя, от нее мне бегства нет.
Сердце ранами покрыто. Прахом — все мои дела!

О кумир, скажи мне, где ты? Отчего ты не придешь?
Сердце тайно, сердце явно сладким взглядом отняла.

Приходи, пути не долги, знаешь улицу мою?
Ради завтрашнего утра взором тень сгони с чела.

Я в томленье, в унижение от разлуки и тоски.
Если бросишь — остается мне безлюдная скала.

В сердце Низами бросаешь для чего огонь разлук?
Лишь с тоскою я сроднился, ты печаль в мой дом ввела.

* * *

Счастье пьяное мое в ум придет когда-нибудь.
Крепкий сон судьбы моей, он пройдет когда-нибудь.

Эту дверь раскроет вихрь, ночь засветит ясным днем.
Душу мне воровка душ вновь вернет когда-нибудь.

Враг в надежде на любовь ласки не дожидется, нет!
Лишь презрение во мне он найдет когда-нибудь.

Для нее неверным стал,— может, черный зульф ее,
Как зуннар вясь, мой стан обовьет когда-нибудь.

* * *

Влюбленный слеп. Но страсти зримый след
Ведет его, где зрячим хода нет.

Вне страсти нам отрады не сыскать,
Есть только желчь да темень черных бед.

С полою грязной не идут к любви.
Есть у влюбленных множество примет.

Через безумие идет их путь.
И подражателям тут места нет.

Ведь ты, когда ты любишь и любим,
Миров обоих обретаешь свет.

Покинь скорей темницу слова «я»,
Ты скажешь: «Мы», — и зацветет рассвет.

Прекрасен отдых на твоём пути,
Но и терзаний вкусишь горький цвет.

Будь праведен, коль можешь, Низами.
Для сердца светоч — праведности свет.

* * *

Я хочу тебе открыть глубину скорбей своих,
Чтобы ты дала совет влажной мгле очей своих.

Ты меня не попрекай, ты влюбилась бы сама,
Лик свой в зеркале узрев, в серебре лучей своих.

Облик ясный, как луна! Не сердись на беглеца,
Что защиты ищет он у иных друзей своих.

* * *

Глаз мой не видит окрестный мир, прелесть познавши
красы твоей.

Гибель хотел бы познать одну — в кольцах душистых
косы твоей.

Сердце утратив, к тебе иду, ранней зари я встречаю свет.
И на лице твоём добрый знак, помню любви я часы твоей.

Мертв Низами, он погиб в тоске, верности жар ты ему
пошли.
Вновь оживет он, когда вдохнет свежие капли росы твоей.

* * *

Дух мой кыблú изменил, в плен христианкою взят.
«Как мусульманин такой мерзостен!» — люди кричат.

Идолу бросил к ногам коврик молитвенный я,
Верой и правдой служить милому идолу рад.

Я на заре у скита в дверь постучался кольцом,
Крест мне отвечивал: «Тут куща бесплотных услад».

Так я гляжу на нее, как христиане на крест;
Дивным смятением я, бывший подвижник, объят.

Стал, как Давида напев, сладостен благовест мне,
Краше мне кажется скит всех Сулеймана палат,

Солнце — кыбла ей, а мне — лик светозарный ес.
Гляньте, как дивно блесит этот чарующий взгляд!

В скит превратился мой глаз, слепо бродивший досель;
Кровью моею творить можно причастья обряд.

Яеным подвижником я прожил все сорок годов,
Ныне ж открылся во мне тайный неверный собрат.

«Как, — спросил я ее, — в скит превратилась Кааба?»
«О Низами, — был ответ, — ищут в развалинах клад».

* * *

Другим знавала ты меня, а ты — ты лучше, чем была,
Твоя умножилась краса, моя же молодость прошла.

Я только пламя, ты Халил — что ж я не гасну пред тобой?
Нет, не умру я лишь затем, чтоб ты из сердца не ушла.

Не по приказу ты меня, по доброте своей утешь.
Насколько можешь, будь со мной и, сколько хочешь, будь
мила.

Меня разбитым назовешь — смогу ли не разбитым быть?
Ведь облик видела ты мой, и сердце ты узнать могла.

Лишь на служение тебе стал препоясан Низами —
Ведь он для счастья двух миров желает, чтобы ты жила.

* * *

Если нас не осуждаешь, в мейхану иди скорей,—
Тут, неверию предавшись, в нард играй в кругу друзей.

И неверный — мусульманин, коль снисходит он ко всем.
Ах, должно быть, это странно для тупых звучит ушей!

Верь мне: если нет кумира у тебя, ты обречен
Всюду быть всегда похожим на кольцо, что у дверей.

Откажись от пустословья, от вседневной суеты,
Чтоб вкусить хоть миг улады от возлюбленной своей.

Этот мир и тот — лишь тени. Позабудь о них — и ты
Станешь князем всех влюбленных, что живут в юдоли сей.

* * *

Весть! Весть о милой пришла! Что же с ней?
С той, что для сердца стрела,— что же с ней?

Чем занята, что творит, что вершит?
Глаз ее сладостна мгла. Что же с ней?

С той, что как жизнь мне моя дорога,
С той, что мне хочет лишь зла,— что же с ней?

Долгие дни я сгораю в огне.
С розой, что в росах выросла,— что же с ней?

Льет мою кровь она ловко! Скажи
С клятвой, что роза дала,— что же с ней?

Стал Низами — как Якуб, ну, а с той,
Что, как Юсуф, расцвела, что же с ней?

* * *

Что ты знаешь о Хабеше? Вижу: из Хотана ты,
Хоть с пушком, таким хабешским, так полна дурмана ты.

Я же, черный, из Хабеша, я ведь страстно опален.
Из Хотана ты, бела ты, серебро фонтана ты!

Странно! Кудри из Хабеша, из Хотана светлый лик.
Так откуда ж ты, скажи мне, из какого стана ты?

Не бело лицо хабешца, а в хотанцах соли нет.
Горстка соли! Всех белее — в этом нет обмана — ты.

* * *

Что смятенней: время, локон ли твой каждый, дело ли
ненужное мое?

Меньше ль малый атом, рот ли твой карминный, сердце ли
недужное мое?

Родинка, душа ли у тебя чернее, иль мое несчастье черней?
Слаще ль мед пчелиный, или губы милой, слово ли
жемчужное мое?

Мысль моя светлее, солнце ли с луною, иль твоё
прекрасное лицо?
Ты ли непреклонней, иль моя планета, или сердце дружное
мое?

Верность ли красавиц, стыд ли твой слабее, иль мое
терпение слабей?
Что, скажи мне, больше: красота твоя ли, горе ль
безоружное мое?

* * *

Тюрки рабами индийскими стали — рядом с тобой.
Глаза дурного бы не замечали — рядом с тобой!

Пряди волос моих — лишь за единый твой волосок
Жертвой достойною стали б едва ли — рядом с тобой.

Я напоил тебя влагою сердца — чистым вином;
Печень мою истерзают печали — рядом с тобой.

* * *

Розу пологом колючим твой всеильный взгляд закрыл,
Вижу я зуннар на розе: лик твой внешний сад закрыл!

От стыда перед тобою зарумянился бутон,
И зардевшиеся щеки он в кругу досад закрыл.

А когда свою поклажу развязал твой черный зульф,
Цвет фиалки на замочек свой цветочный склад закрыл.

И одним крылатым словом твой прекрасный аргаван
Наших лилий говорливых чаши все подряд закрыл.

О своем желанье новом розе на ухо скажи,
Хоть нарцисс глаза на это много дней назад закрыл.

Соловей красноречивый состязался с Низами,
Но, газель услышав эту, клюв свой, говорят, закрыл.

* * *

О Луна, скажи, чьим гостем ты с твоей красою станешь?
Знаменьем красы кому ты, посланным судьбою, станешь?

Голова твоя покрыта сенью царственной из амбры.
С черной сенью, чьим султаном ты ночной порою станешь?

Ты сладка, с тобою рядом тростниковый сахар — горечь.
О грабительница сердца, где ты не чужою станешь?

Ночь темна, но путь мой светел, лишь боюсь дурного
глаза.

Ты родник. Во мраке этом чьей живой водою станешь?

Ты уходишь. Дух мой тоже хочет прочь уйти от горя.
Болен Низами. Целебной ты кому травой станешь?

* * *

Месяц неполный прошел, ночи — лишь стража прошла.
Входит подруга моя; кубок она подала.

Дружески села она здесь, перед взором моим.
Страх в ней нет пред врагом; нет ей от ближнего зла.

На ледяное вино, на огневой поцелуй
Право имела душа; право, как честь, приняла.

Будто бы мед с молоком, с милой слился Низами.
К большому счастьем лететь в мире не сыщешь крыла!

* * *

Так роза на щеках вина смеется,
Что вся душа вина до дна смеется.

И сад от смеха стал таким веселым,
Что и тюльпан в нем допоздна смеется.

И столько над собой рыдала туча,
Что аргаван, восстав от сна, смеется.

* * *

О кипарис с плавной поступью мой, роза скупая моя!
Я-то — весь твой, о тебе ж не скажу: «Ты не чужая —
моя».

Жизнь переполнена только тобой, сердце тебе вручено.
Вот моя жизнь! Вот и сердце, а в нем страсть огневая моя.

И под мечом буду руки тянуть к локонам черным твоим,
Лишь бы, как ворот, меня обняла милая, злая моя!

Я погибаю, сгораю, спаси, я прибегаю к тебе:
Сладостный рот твой — живительный ключ, жизнь он
вторая моя.

Слушай, приди к Низами, чтоб, гордясь, голову поднял
свою
Царь Ахсатан — ведь ему вручена песня любая моя.

* * *

О мой кумир, сердца не дам, нет, не расстанусь я с ним!
Если возьмешь сердце мое, знаю, уйдешь ты с другим.

Сил уже нет, ну так зачем все угнетаешь меня?
Словно себе, сделай ты мне то, что находишь благим.

Я не Джамшид, я не богат, твой не купить поцелуй.
Вот оно, вот сердце мое! На! Насладишься ты им?

Я на пиру лишь о тебе розовой плачу водой.
Роза моя! Горек твой смех бедным колючкам моим!

Блеском небес, светом очей я называю тебя.
Слава тебе, лику луны, сахарным лалам твоим!

* * *

Ты рукой мне сжала сердце, жизнь влачу пустую я.
Жизнь моя к концу приходит, о верности тоскую я.

Всюду, где ты скорбь увидишь, мне ты сватаешь ее.
А тебе всегда желаю радость молодую я.

«А какой бальзам,— спросила,— нужен глазу твоему?»
— Из-под ног твоих лишь только пыль хочу седую я.

Я одежду шью, мечтая о свидании с тобой.
На тебя надеть хотел бы ризу золотую я.

Долго ль жить еще ты будешь, проливая кровь мою?
О тебе по свету славу разношу благую я.

* * *

Как безмерно я терзаюсь, милый идол, погляди
И свой черный глаз нежнее быть со мною убеди.

В зеркале свой лик увидев, тут же влюбишься в него,—
Потому меня так строго за влюбленность не суди.

Воеводе вздохов не дал я тебя громить,— меня
От разбойницы разлуки в благодарность огради.

Лишь в тебе ищу опоры, но, отвергнутый тобой,
Воззову в тоске к другой я: «Защитить меня приди».

Подбородок твой — колодезь, где душа моя давно
Горестным Юсуфом страждет без спасительной бадьи.

Оттого, что в кольца вьешь ты влажных зульфов черноту,
Высыхает кровь, как мускус, у меня в больной груди.

Хоть, стыдясь перед тобою, о грехах своих молчу,—
Благодатный луч прощенья мне маячит впереди.

Низами рабом покорным и слугою стал твоим;
Чашей верности за службу ты его вознагради.

* * *

Клянусь, о душа! Знаю, есть у меня приметы благие твои.
Как зульф, черен день, рдеет сердце, узрев уста огневые
твои.

Нет сил у меня, мне угнаться нельзя за стремением быстрым
твоим.

Рука не достанет никак повода схватить золотые твои.

Всю душу отдам я за твой поцелуй, не нужно тебе — не
бери.

И ради доходов моих не нужны убытки такие твои.

Сказала ты мне: «Низами, воздержись, будь в скорби по
мне терпелив».

Могу ли терпеть я, услышав хоть раз слова эти злые твои.

* * *

Впору мне груз твой! Скажешь — немолод,— пусть!
Ношу приемлю. Путь не прополот? Пусть!

Страсти, тобой мне внушенной, пью я хмель:
Яд примешаю тобой в чистый солод — пусть!

Мной не гнушайся — ты мне дороже всех.
Если сердцем твоим правит холод, — пусть!

Молот против меня жизнью дан тебе.
Если жизни тобой дан тот молот, — пусть!

Жду я тебя, насытый. Жду, изнемог.
Пусть утоленьем кончится голод, пусть!

Ах, Низами, в саду твоём — соловей:
Роза цветет, шипом он проколот... пусть!

* * *

Если сперва — жертвой твоей стану я,
Духом опять — лишь захоти — вспрыну я.

Весь я — в крови, струями слез весь омыт,
Знай — без тебя в небытие кану я.

Сердце — в бегах. Как разыскать след его?
Тщетно твоей помощи жду, вяну я.

•

В кожу мою втавив тавро, волю дай:
Я еще тощ — пойман тобой рано я.

Взором сверлю пряный рубин уст твоих,
В гости к тебе вздумал зайти спяну я.

Вот — Низами печатью жжет перстень уст.
Вот — сродни этим стал Сулейману я.

* * *

В жертву тебе — бросить чего не могу?
Голову сняв — взять на ладони могу.

Дух затаив — чтобы тебя изловить,—
Сердце уняв, красться тихоней могу.

Мусор домашний твой — украсить, поверь,
Всем, что горит на небосклоне, могу.

Вечность в конюшню твою дерзнув вместить,
Дать слуге в придачу к попоне могу.

Сделай шаг к Низами — прах от ног твоих
Я вдыхать взамен благовоний могу.

* * *

Юность всю тебе я отдал: юности ты милой слаще,
Я умру перед тобою — жизни ты унылой слаще.

•

Ты для глаза — буря злая, но на сердце — свет от взора.
Ты, что сердце давишь горем,— радостного пыла слаще.

«Погляди»,— сказала. Что же? Я тебе цены не знаю.
Знаю только, дней моих ты мне всегда светила слаще.

Мир с тобой, с тобою ссора — слаще мне одно другого.
В гневе ты сладка, ласкаешь — сердце не забыло —
слаще.

Жизнь — жемчужина: свиданье Низами оплатит жизнью.
Но платить ли мне так скупое? Все, что ты дарила,— слаще.

* * *

Кыблá всем в широкой пустыне мирской,
Ста тысячам душ ты — желанный покой.

Ты, стан опоясав,— о стройный тростник!—
Сплела вместе с розой душистый левкой.

Мгновением каждым, живя, дорожи:
Течет наше быстрое время рекой.

Взнуздай это время — лихого коня,
Чей бег — день и ночь — безудержный такой.

Взял шахство Арслан у счастливой судьбы.
Ты шахства своею достигла рукой.

Уст рдяных Египет — Юсуфа приют!
О, если б тут был Низами день-деньской!

* * *

В душе всегда базар готов для милой,
Из вздохов я соткал покров для милой.

По лалам сахарным, как сахар, таю;
Готов влачить я груз оков для милой.

Неверная нарушила обеты,
А у меня уж нету слов для милой.

Цвет гиацинта щек ее коснулся.
И не жалеет завитков для милой.

Целую днем я дверь ее и стены,
А ночью рву кошницы снов для милой.

Друзья, на помощь! Яростны нарциссы,
И раны сердца — лишь улов для милой.

* * *

Красавица, повержен я, так даром слов не трать — зачем?
Уста мои сомкнула ты, я не приду как тать — зачем?

Ты жаждешь похищать сердца, неблагодарною не будь;
Ужель души лишилась ты? Моей душе страдать — зачем?

Позволь смотреть в глаза твои, ведь не разбойник я, слуга.
Служу тебе, как муравей, но не хочу молчать — зачем?

Ты, чтоб ограбить муравья, не заносись, как Сулейман,
И заклинаний не твори, ручью стремиться вспять —
зачем?

Но будь доволен, Низами, когда пьянящая придет,
И на пиру не хмурь бровей, судьбу ли отгонять? Зачем?

* * *

Может быть, эту газель прочитав, меня исцелить
пожелаешь ты.
Раненым сердце увидишь мое — как сердце утешить,
узнаешь ты.
Верен тебе, опоясался я — такой незадачливый путь
любви.
Ты ведь любимая, так для чего мною всегда управляешь
ты?

Если скажу я: «Налей мне вина», — вино моей крови ты в
кубок льешь,
Если же музыки я попрошу — то стоны звучать
заставляешь ты...

Встреча с тобой торжество для меня, да нужной мне твари
для жертвы нет.
В жертву себе ты меня принеси, — как жертву меня
принимаете ты?

Разве, сраженный тобой, о луна, не стою я хоть лепестка от
роз?

Каждым колючим шипом, о душа, — зачем мою душу
пронзаешь ты?

Ведомо всем: в мире нет у меня души без тебя, да и сердца
нет.

Да запретят тебе все без меня пирушки, что втайне
справляешь ты.

Если я сделал глаза Низами лишь садом твоим для
прогулок — то...

Что если призрак твой вдруг в ночи придет ко мне в гости?
Не знаешь ты?

* * *

Я, скорбя по тебе, в унижение впал. О, взгляни!
Но любовь не прошла и чиста, как кристалл. О, взгляни!

Ты ушла от меня и мне взгляда не бросила вновь,
А бывало, меня он всегда окрылял. О, взгляни!

Ты защиту находишь в прелестной своей красоте.
Несговорчивость — острый красавиц кинжал. О, взгляни!

Как же быть, Низами? Терпелив я в безмерной любви,
От которой навек я покой потерял. О, взгляни!

* * *

Друг, утешься, Судьба нам на помощь в печали приходит,
К опечаленным, друг, из неведомой дали приходит.

Хочешь вечного счастья — не спи, ночи в дни превращая.
Спящий — слеп. Счастье к спящему ночами едва ли
приходит.

Ты — Хума — накорми воробьев, ты здоров — будь
спокоен.
Врач к больному, — чтоб помощь ему оказали, —
приходит.

От счастливого хмеля возлюбленных нищие пьяны.
Но черед отрезвленью — не ждали иль ждали —
приходит.

Мухе — мед, а на пламени бабочке в муках метаться.
Вор крадет, а к айарам беда — не всегда ли — приходит?

Бой султанский прошел, и, как дождь, всюду — стрелы да
стрелы.
Дождь к полям, — если стрелы жужжать перестали, —
приходит.

О дворцах ты не думай: и псарь в час охоты там нужен.
Если время рядиться в доспехи из стали — приходит.

Низами, будь утешен. Ведь каждый по-своему счастлив:
К безработным работа, что долго искали, приходит.

* * *

О спеси думай ты, как о своем недуге,
Когда припомнишь ты о дружественном круге.

Когда вина страстей испил в кругу приветном,
Забудь о жизни ты, как о плохой подруге.

Со всяким встречным ты искать не должен дружбы:
Ты можешь потерять и друга в верном друге.

Ждать справедливости от друга — ослепление,
Когда она сама не вся к твоей услуге.

Но если хоть одно ты ранил сердце, — тщетно
О дружбе вспоминать ты будешь на досуге.

* * *

Взгляни на щеки милой ты, на каждой ты тюльпан узришь.
Да что завистливый тюльпан! Ведь здесь ты гулистан
узришь.

Бутонов розы не ищи на зацветающих лугах.
Ведь розы рядом с ней — шипы. В ней роз ты целый стан
узришь.

В тот день, когда рубины уст твое лобзание призовут,
От секиры ее очей в груди ты сотню ран узришь.

Всю жизнь скорблю по милой я, душа утратила покой.
А обернись через века — что я все горем пьян, узришь.

Встань, Низами, довольно слов, уйди на шаг ты от себя,—
И в радость обратится скорбь. А в чем тогда изъян узришь?

* * *

Жить в заботе и невзгодах, расточая зло,— не стоит.
Тосковать и горько плакать, — пусть нам тяжело, —
не стоит.

Мир со всем его богатством невелик: зерна он меньше.
Перед правдою неверной преклонять чело не стоит.

День заботливый,— он полон животворного сиянья.
Предрассветного тумана все его тепло не стоит.

Наша жизнь,— я слышал,— стоит меньше малого.
Неправда.

Жизнь и этого — ничтожней что бы быть могло? — не
стоит.

* * *

Любовь пришла, чтоб день мой угасить.
Хочу тоску по степи разгласить.

Я в бой вступил на улице твоей.
Оружье смуты должно мне носить.

Не вижу милосердия в тебе,
Иль глаз мой слеп? Тебя ли мне винить?

Закон любви установил не я,
Зачем ты хочешь кровь мою пролить?

Жемчужины в глазах у Низами,
Я мог бы ими море одарить!

* * *

Рая красавцы ныне вступают в дружбу с тобой.
Камень могильный — и под такую нежной щекой!

Жителем рая стал ты навеки, ада избег,
Хоть наслаждался легкою жизнью, долей благой.

Нежные щеки только что тронул первый пушок —
Жизнь отлетела. Кем предначертан жребий такой?

Диво ли, если — о светоч мира! — кровью очей
Я увлажняю вешнюю землю — прах гробовой?

Вижу во прахе ранний пушок твой, свежий посев.
Можно сдержатъ ли здесь, над посевом, ток дождевой?

* * *

Где путь в кумирню? Где в мечеть пройти?
Подобным мне к ним не даны пути.

Гуляка я, в мечеть не захожу,
В кумирне тоже душу не спасти.

Но между ними все ж проложен путь.
О дорогие, как его найти?

К Ы Т Ъ А

* * *

.....
Ночью к другу одиноко лишь бесславные идут.
Не пристало именитым без сопровождаемых быть.
.....

* * *

.....
Разъяснение любви: ты от каабы уйди и неверным стань.
Посоветует друг: ты влюблен — мотыльком легковым стань.
.....

Сострадания любовь не найдет, обитает втайне она.
Стал любви не чужим, так для всех ты чужим и забвенным стань.
.....

* * *

.....
Если мы поравнялись с тобой на весах у любви,
Гнев зачем твой растет и люблю я сильнее почему?

Чуть пораньше, казалось, ты больше любила меня —
Я все так же твой друг, но вражда наша злей. Почему?
.....

* * *

Спросила ты, легко ль тебе, привольно, о душа?
Боль в печени и в сердце боль. Мне больно, о душа!

•
Все говорят: влюбленных душ водительница ты,
Знай: я в число тех душ попал невольно, о душа!

.....

* * *

Как мотылек, свече добычей стань,
Ты птице скорби — пищей птичьей стань.

Коль с ней в беседе молеят о тебе,
Как Низами, ходячей притчей стань.

.....

* * *

.....
Ты знакома глазу моему,
Как слеза в зрачке, сияешь ты —

Небо строит козни мне, к чему
Та игра, что затеваешь ты?

Потянуть твой локон! Раскрутить
Все препоны, что свиваешь ты.

Нам отмерен краткий миг один,
Что так медленно ступаешь ты?

.....

* * *

.....

Ты пощади себя, сердце храни свое.
Пьяным, о друг, сердцам ты не давай его!

Взглядом задорным, верь, можно его разбить.
Пьяным, о друг, рукам ты не давай его.

Кубок, что с лалом схож, побереги, не бей.
Пьяным, о друг, устам не отдавай его.

Глянешь — отшельник тут, взор отведи скорей.
Сердце храни. Слепцам не отдавай его.

.....

* * *

Где доблестный найдется муж, кого бы мир не гнул?
Тех, кто не мучился бы тут в цепях полона,— нет.

Хоть счастье, как невесту, мы желаем разубрать,
Но все ж убора для нее у небосклона нет.

Коль так убого бытие, каким его я зрел,—
То нет в нем света, ничего в нем, кроме стона, нет.

О сердце, словно ценный клад, ты оба мира чти!
Но оба здесь они, для них другого лона нет.

Мир, что в шатре семи небес, оставь, о Низами!
То — скорпион, спасенья нам от скорпиона нет.

Р У Б А И

* * *

Ежели твой дух тоскою неизбывною объят,
Никакие в мире речи сердцу груз не облегчат.
Распустилась пышно роза в цветнике твоей души
И, тая свой лик от взоров, льет томящий аромат.

* * *

Гурия моя земная! Ту жемчужинку, что рок
У тебя из уст похитил, к брэнной прелести жесток,
Он отнес, должно быть, к морю и сказал: «С нее пример,
О жемчужины, возьмите! Кто б сравниться с нею мог?»

* * *

Ах, очей твоих прекрасных лицезреть лучистый свет
Нашим скромным положеньем мы не заслужили, нет!
Тщетно воздыхали даже Кей-Кобад и Кей-Хосров
О свидании с тобою, и мечтанье наше — бред.

* * *

От очей моих влюбленных милая тайком ушла,
Не вняла моим стенаньям и, покинув дом, ушла.
Душу за полу хватало сердце бедное мое,
Но она, на них махнувши легким рукавом, ушла.

* * *

Так как тщетно за кумиром озираюсь я вокруг;
Мне один удел — скитаться, и скитаюсь я сам-друг.
По лицу земли я кровью сердца своего пишу
О тоске моей, чтоб сердцу передышку дать от мук.

* * *

По тебе тоску не взвешат длани рока, наш кумир!
Но за муки не услышишь ты упрека, наш кумир!
Пусть за нами ангел смерти не торопится прийти.
По тебе томясь, погибнем мы до срока, наш кумир!

* * *

От меня ушла ты! Где же мне тебя искать, увы!
О тоске моей великой некому сказать, увы!
Знаю, что теперь до гроба не увижу я тебя.
Мне одно осталось, кровью очи омывать, увы!

* * *

Если буду плакать, кто бы мне в беде моей помог?
Если же крепиться буду, смертный час мой недалек.
Память о тебе лелея, день и ночь вздыхаю я.
От любовного томленья смертных огради, о рок!

* * *

Как в курильницах алоэ, наши души в нас горят,
Ужасом кровавой брани наш несчастный край объят.
К нам стремишься ли, не знаю, но от нас ты так далек!
Не вступаешься, хоть видишь, что идет на брата брат.

* * *

Дни свои влечить без друга — наигоршая из бед.
Жалости душа достойна, у которой друга нет.
Утешителя лишенный, проживи-ка, не скорбя,
Эти несколько коротких, купленных у рока лет!

* * *

Лик твой — словно месяц ясный, с горних блещущий
дорог;
Кудри на твоих ланитах — словно бы лучей поток;
На лицо твое, как будто для того, чтоб уберечь
Красоту его от сглаза, темный наведен пушок.

* * *

Мир земной — развалин гряда: жизнь нам лучше
провести
Под кабацким ветхим кровом в сладком полусне, поверь!

КАСЫДЫ

* * *

Караван пришел в движенье. Бубенец бренчит. Пора!
Откочуй в души долину с постоянного двора.

Ведай, наш градоправитель: алчность каждому — сосед.
Но он жив, Рустем, а был им свержен див — носитель бед.

И земле с людьми уж труден стал харадж по временам,
Сочетанья звезд на небе неблагоприятны нам.

От такого сочетанья безопасность обретишь,
Если ты печать корана — нового Мехди найдешь.

Все, что не корану служит, к рукавам не приторочь,
И циновку не от веры — отверни с порога прочь.

Много меж людьми различий. Из железного литья
Мы куем не как подкову наконечник для копья.

Сущность индуса, ты знаешь, связь имеет с чернотой,
Но один из них — разбойник, и надежный страж —
другой.

Свет под рубищем отыщешь, он укрыт, его не тронь,
Ведь старуха в каждом доме пеплом кутает огонь.

Что султана славословить! Он ведь немощен и слаб.
Стань рабом пред властелином, перед кем и властный —
раб.

Справедливость к нищим людям не забудется нигде.
Ты умрешь — она заблещет и предстанет на суде.

В страшный день суда тирану будет вся страна врагом.
Горе тем, кто унижает, — яма их последний дом.

Из ручья не пей чужого даже розовой воды.
Не ищи на чуждом хлебе даже божии следы.

Если слезы подступили, это незачем скрывать —
Лучше жемчуг драгоценный нитью тонкою вязать.

Подними с земли завесу. Ты поймешь, что каждый час
Жизнь великими играет. Это спрятано от нас.

Ты увидишь, сколько терний в славных, в блещущих
венцах,
На кудрях Ануширвана горами увидишь прах.

Подожди идти к Каабе. Ты еще туда не зван.
Не тверди: к тебе иду я, — издали склони свой стан.

Серебро сияет блеском, только выйдя из камней.
Ценен лал, глубь гор покинув; был он неприметен в ней.

* * *

Увы, на этой лужайке где согнут старостью я,
Какую еще отраду сорву с ветвей бытия!

У пальмы нет больше тени, ее опали плоды,
Плоды и листья той пальмы сломила буря беды.

Кривой небосвод, вращаясь, спешит мне выдолбить гроб —
И мне камфару пророчит снегами тронутый лоб.

Мой мускус в белом мешочке рождался, хоть черен он.
Теперь же мускусом черным — мешочек белый рожден.

Две нити чистых жемчужин таил мой рот молодой,
Но небо, нити порвавши, рассыпало жемчуг мой.

Мои жемчуга, как звезды, рассыпались из ларца,
Когда восток заалевший сверкнул мне звездой конца.

Мой день окончен. Прощаюсь с развалиной этой я,
Лечу, как сова, в жилые пространства небытия.

Мой стан согнулся — и клонит к земле вершину мою,—
Затем что, тяжек плодами, в саду смиренья стою.

Я надвое перегнулся, чтобы не обагрить одежд,—
Затем что сердце кроваво, и кровь упадет с вежд.

На лоб седые сугробы ложатся все тяжелей:
Страшусь, не рухнула б кровля непрочной жизни моей.

С горы, окованной снегом, вода свергается в дол,—
Вот так и я, омраченный, слезами весь изошел.

Истаял весь я. На землю, как тень, я упасть готов —
И я, упав, не оставлю, как тень, на земле следов.

Никто меня и не помнит,— затем что нет больше сил
Добраться до сердца милых и тех, кто меня любил.

Мой стан изогнулся луком — как будто сердцу грозит
Стрела последнего часа — и я укрылся за щит.

Увы! к зениту блаженства меня напрасно б влекло,
Коль в низшей точке надира сломилось мое крыло!

В саду вселенной нагими мои деревья стоят:
Плоды надежд с них сорвали камни, буря и град.

Растенье, плод свой осыпав, челом вздымается ввысь,
Но пальма моя согнулась, когда плоды сорвались.

Моя голова мгновенно, втянувшись, скрылась меж плеч —
Затем что страшен ей смерти мгновенно сверкнувший меч.

Глаза мои ослабели. Страшусь друзей помянуть:
Лицо умыл я слезами, собираясь в последний путь.

Ючусь в убежище скорби — затем что нет больше сил
Ступить на порог высокий дворца, где я прежде жил.

Моя последняя буква в последнем слове моем...

.

Давно уж белое с черным сливает усталый взгляд —
Пусть даже солнце с луною пред ним, как свечи, горят.

Жизнь прожил — что ж совершил я? Один грех за
спиной.

Затем-то я и согнулся, страхась расплаты людской.

Коль сердце мое в тревоге, коль дрожь в руках у меня, —
На пире веселом века — как выпью чашу огня?

Смерть гостьей в дом мой явилась. Как гостью привечу я,
Коль слаще всех угощений ей жалкая жизнь моя?

Благая трапеза жизни для неба души горька:
Ведь ядом тронута сладость шербета и молока.

Жизнь вышла со мной проститься — на расстань
этого дня.

Мой стан согнулся, в объятьях она сжимает меня.

Так весь я немощи полон, что трудно страх побороть:
Вот-вот рассыплется прахом моя отжившая плоть.

В пути своем спотыкаюсь, как перст ведущего счет.
Ты дивом считай, что помню, какой провожаю год.

Что воздух мне цветниковый! Что реки с чистой водой!
Исы я не жду дыханья и Хызра влаги живой.

Как туча, слезы точу я из глаз печали моей:
От них, как молния, скрылось виденье минувших дней.

Богатство юности щедрой я выронил на пути:
Теперь стигбаясь напрасно, я силюсь его найти.

Подобна жизнь моя тени, и ей потребна стена,
Чтоб вновь, опору обретши, из праха встала она.

Взманив меня, как ребенка, на цвет, и запах, и звук,—
Душой лукавил небо, чтоб вырвать юность из рук.

Из царства радости светлой звучит к веселью призыв —
Меня ж усыпила седость, мне уши ватой забив.

Плетясь за хлебом насущным, таких я полон скорбей,
Что мудрый скажет, увидев: несет зерно муравей.

Чтоб жизнь мою обесценить, ударом камня невзгод
Разбил меня беспощадно чеканщик злой — небосвод.

Мои достоинства скрылись от глаз придирчиво злых:
Теперь любые пороки — святей достоинств моих.

Высоким светом познания мечты мои зажжены —
Затем и стан мой согнулся, как дымный круг у луны.

В узлах и петлях без счета запуталась жизнь моя,
И что распутать сумею, доселе не знаю я.

Чтоб сгинул ствол моей пальмы, что ветвь над веком
простер,
Согнувшись, небо вонзает мне в ногу острый топор.

И образа я не знаю, и я содержимым пуст,
Ушли они без возврата из сердца, очей и уст.

Столь грешен я, что страдальцам, кипящим в грешном
аду,
Грехами буду я страшен, когда в то пламя сойду.

В саду мятежного духа стою согбенным ростком:
Я прежде высушен веком — в аду я вспыхну потом.

Одно лишь слово ошибки — вот все, что вещей рукой
Судьба вписала заране в житейский перечень мой.

Пускай слезой покаянья то слово сотру навек —
Что нужды! Может ли спорить с судьбой своей человек?

В бесплодной тяжбе с судьбою — судьба всесильна, а я —
Всего ничтожней, что в силах душа измыслить моя.

Я жизнь в грехах уничтожил, и если буду убит —
Судья фетвой наказания за кровь мою не отмстит.

И если выбросит искру костер страдальческий мой —
Вскипят моря небосвода от жара искры одной!

СОКРОВИЩНИЦА ТАИН

(Отрывок из поэмы)

РЕЧЬ О ПРЕВОСХОДСТВЕ СЛОВА

В начальном движеньи своем калям
Явил очертание слова нам.

Предвечного уединенья покров
Отброшен был — для откровенья слов.

Пока не услышала в слове душа
Весть сердца — не начала глина дышать.

Движенья каляма вперед и назад
Нам с помощью слова раскрыли взгляд.

Без слов о себе — этот мир безголос.
Рассказывать начал — и слово нашлось.

Любовное слово как душу приму,
Мы — слово, а мир — это портик к нему.

Черты каждой мысли собрав в букет,
К крылу птицы слов привязал поэт.

Мир, вечно-творящий, острей, чем речь,
Что выдумал, чтоб волосок рассечь?

У мысли начала, у счета конца
Есть слово, его береги, как отца.

Венцом — венценосец назвать его рад.
Другой — на другой обратит его лад.

Знаменами провозглашают его,
Калямами изображают его.

Но в битве — победнее стяга оно,
И лучший боец, чем бумага, оно.

Хотя не раскроет своей полноты
Почитателю горсти пустой мечты,

Но мы, устремившие взор на него,—
И умерли в слове, и словом живем.

Озябший — огонь от него разожжет,
Вспотевший — воды из него зачерпнет.

Где царствует слово, обычай таков:
Букв много и множество там языков.

Когда б не плело оно душ наших нить,
Могла ли б душа его кончик схватить?

Владений захваты — при помощи слов,
Печать шариата — при помощи слов.

Рудник, нашим словом и златом богат,
Менялу когда-то спросил наугад:

«Вот свежее слово, а вот золотой,—
Что лучше?» — «О, слово, друг, слово раз в сто!»

Глашатаю слова открыты пути.
Где слову есть доступ, ноге не пройти.

Ты слово чекань, — ведь дирхем — его прах,
Не звонкое ль злато в газели в стихах?

На месте почетнейшем слово сидит,
Держава его лишь из слов состоит.

Без сердца — ты в нем не поймешь ничего,
Объяснение его — многословней его.

Доколь оно есть, ему честь меж людьми.
Да быть ему свежим в устах Низами!

ПРЕВОСХОДСТВО РЕЧИ СТИХОТВОРНОЙ ПЕРЕД ПРОЗАИЧЕСКОЙ

Слова необдуманые, без оков,
Считаются перлами у знатоков.

Ты, любящий тонкость, взгляни, какова
Будет мысль, если взвесить ее и сковать.

Весы — это рифмы, поднявшие речь,
Они в ней сцепляют два мира для встреч.

Ключ к этим сокровищам, что под замком,
У весовщика слов под языком.

Он, взвесивший речи искусной весы,
Счастливец в своем мастерстве искусил.

Поэт, ты девятых небес соловей,
Кто здесь уподобится славе твоей?

Смятенного и в размышленья огне,
Причесть тебя к ангельской можно родне.

В завесе, таящей поэзии весть,—
Тень тайн от завесы пророчества есть.

И в строе рядов, что вокруг божества,—
Поэты — в конце, а пророки — сперва.

Ведь оба — единого друга стопы,
Ядро они в мире пустой скорлупы.

И финик с их пиршественного стола —
Не слово,— часть сердца живого была,

Душа, что вытесывал клювом прах,
И мысль, что разжевана в сердца зубах.

Но родник этой мудрости — речи живой —
Под продажным пером стал пустою водой.

А ведь песни хотя бы единой творец —
Шире этого мира имеет дворец.

Кто мыслью подняться до истины мог,—
Главы не положит на каждый порог.

Лоб пряча в колени, как к духу пути,
Он в них оба мира рукой охватил.

Верхушкой главы он касается стоп,
В кольцо замыкает и ноги, и лоб,

И быстрый в извиве кольца, как змея,
Вмиг, душу разбив, он исправит изъян.

Порой из кольца размышленья того
Он сотней колец одарит небосвод,

Порой, вместо шара в ларце огнем,
Он десять их — вытряхнет вдруг рукавом.

Вот конь его речи в волнение пришел.
Дух в губы — отдать поцелуй — изошел.

Чтоб яхонт того рудника раздобыть,
Он должен яйцо семи сводов пробить.

К стиху отношеньем родства стих влеком,—
Поэт, как отец, их скликает легко.

Свод неба к служенью умеет привлечь,
Служительства бедствие — выбросить с плеч.

И вздох его — это спокойствия кров,
Слова его — это любовь языков.

Пусть всякий, кем был этот мир воспет,
Чтит слово его, ибо он — поэт.

Речей Муштари я его назову,
Зухрэ, поразившей Харута главу.

Но если к добру прикоснется разбой,
Высокому низость придаст он собой.

От вас свое слово беру я назад,
Украшатели слов, что честь слова мертвят!

Плод сердца, за душу даруемый,— где б
Водою мог стать, что меняют на хлеб?

О небо, ну как ты могло упустить
Узлы, что покрыли поэзии нить?

Рука упустила — так пальцем ноги
Их с нити поэзии снять помоги!

Сребролюбцы! За золото б вам умереть,
За золото жадно вы приняли медь.

Кто жертвует золоту светочем дня,—
Сверкающий перл на голыш променял.

Конечно, та мудрая братья — она
Ниже честью, хоть почестью вознесена.

Но султанской парчой обмотавший висок —
Все ж съел напоследок железа кусок.

А тот, кто пред золотом, как ртуть, не дрожал,
И железных Санджара кусков избежал.

Дай речи медовой — ценителя слух.
Мед речи не делай рассадником мух.

Коль верность,— чего не дано, не бери.
Молитву — не внимлющим не говори.

Познания закона пока не достиг,
Помолвки с поэзией не допусти.

Поднимет на лотос небесный она,
Над царством идей даст главенство она.

В союзе с законом туда воспарит,
Где пояс твой тень Близнецам подарит.

В эмирство — поэзии вводит рука,
Затем, что поэт — он «эмир языка».

Уместно ль, скажи мне, на корточки сесть,
Чтоб речь высоты небосвода обрести?

Поникнув головой, будь подобье свечи,—
Мертвеющей днем и живущей в ночи.

Пусть взлет твоих мыслей до пыла дойдет,
Тогда колесо плавный ход обретет.

Слова не спеша облюбовывай ты —
Получишь их с большей зато высоты.

Из песен, тебе принесенных на суд,
Не выбрал,— так лучших тебе принесут.

Полученный жемчуг не вешай на грудь,
Прекрасней — носимого в сердце — добудь.

Кто этой дорогой свой стяг понесет,—
У месяца бег, шар у солнца сорвет,

Хоть дышит с горячностью и не такой,—
Зато и дыхание не коротко.

В жару вдохновенья, на полном ходу,
Украл небосвод к своему он стыду,—

И конь ему — крыл Гавриила перо.
Опахало ему — Серафила крыло.

Смотри ж, попирать свой посев не давай,
Той нити конца в руки всем не давай.

Что в дереве, полном инжира, скажи,
Когда бы все птицы клевали инжир?

Хоть в этой манере я грани достиг,
Хочу, чтоб узрели, сколь странен мой стих.

Придал вдохновенью я кельи закал,
Поэзию вывел я из кабака,

Ко мне устремились монах и аскет,
Отбросив в экстазе зуннар и хыркэ,

Я жду — нераскрывшейся розы бутон —
Чтоб северным ветром оваян был он.

О новых речах, что принес я с собой,—
Слух встанет «восстанья из мертвых» трубой.

Ведь в старом и в новом, что было и есть,—
Стихи мои смуту могли б произвести.

Искусств чародея предел — эта речь
Волшебством и ангелов может увлечь.

Вавилон мой — Ганджа, что Харута сожгла,
Душа, как Зухрэ, что звездой возшла.

Зухрэ этих мест встала в знаке «Весы»,
С волшебною речью духовной красы.

Но это волшебство — хлеб утра оно,
Зачеркнут им список Харута давно.

Тот образ, что мной сотворен,— Низами,—
Дозволенным этим волшебством корми.

РАССКАЗ О СТАРУХЕ И СУЛТАНЕ САНДЖАРЕ

Старуха одна, в возмущенья пылу,
Схватила султана Санджара полу:

«О, где же, султан, справедливость твоя?
Тобой, что ни год, обижаема я!

Забрался твой пьяный шахнэ под мой кров,
Ногой мне в лицо надавал пинков,

Избил, истоптал без вины меня он,
За волосы выволок из дому вон,

На людях ругал, поносил, как зверь,
Насилья печать наложил на дверь.

«Горбатая, эй, отвечай,— говорит,—
Такой-то на улице кем был убит?»

Убийцу ища, обыскал весь дом,—
О, есть ли насилия больше в ком?

Пьян сторож — смелее и головорез...
Будь трезвым, он в драку б с старухой не лез!

Доход всей страны они топят в вине,
Его на старух возмещаая спине!

Кто мирно на это бесчинство взирал,
Мой стыд, а твою справедливость попра.

Избита, истерзана старая грудь,
Осталось ли силы хоть сколько-нибудь?

Справедливости если в тебе не найду,—
В день Судный свой счет предъявлю я Суду!

Правосудья венца — я не вижу в тебе,
Угнетенью конца — я не вижу в тебе.

Царь должен народу поддержкою стать,
А ты угнетаешь народ, как тать.

Не стыдно ль кусок отнимать у сирот,
Кто делает так, благодарен ли тот?

Великий вор мелкой поклажи старух,
Стыдись трудовой этой пряжи старух!

Ты — раб, хоть и в царское платье одет,—
Какой же ты царь, раз приносишь вред?

Царь всюду наводит в стране закон,
Внимательно, с ласкою властвует он.

Чтоб всяк на приказ его — голову клал,
Чтоб дружбу его — в свою душу влагал.

А ты, хоть поставил весь мир вверх дном,—
Геройством каким отличился в нем?

Держава ведь тюркская тем и сильна,
Что правит, любя правосудье, она.

Но ты в беззаконьи находишь вкус,
Ты, верно, не тюрок,— ты вор-индус!

Обрушил ты стены жилья горожан,
Ты вытряс зерно из колосьев дихкан.

Но вычисли,— короток век земной,
Смерть схватит и за крепостною стеной!

Закон — как костер в темноте разложи,
День нынешний с завтрашним ты подружи,

Чтоб словом порадовал сердце старух,
Чтоб слово старухи наполнило слух.

От страждущих руку свою отведи,
Иль стрелы проклятий застрянут в груди!

Что рыщет по всем закоулкам рука,
Беспечна к последним кускам бедняка?

Ты миру был дан животворным ключом,
Не ради неправды поставлен ты в нем.

О шах, чтоб мучение раны смягчить,
Ты пластырем должен ее залечить.

Хвалить тебя — слабых обычай, а ты
Обычай устрой из своей доброты.

И оберегай, как святыню души,
Двух-трех наилучших, укрытых в глуши!»

Санджар, Хорасаном владевший, не внял
Тем мудрым словам — и страну потерял.

И нет правосудья сейчас на земле,
Ищи его лишь на Симурга крыле.

И стыд позабыт под окном голубым,
И честь на земном этом шаре — как дым.

Вставай, Низами, и заплачь от стыда,
Плачь кровью над тем, кому кровь — как вода!

РАССКАЗ О СТАРИКЕ-КИРПИЧНИКЕ

Раз жил в стране Шама кирпичник-старик.
Как призрак, людей сторониться привык.

Из трав ему плащ — одеяньем служил,
Кирпич обжигал он и выручкой жил.

Бойцам, что роняют щиты и мечи,
Щитом были в склепах — его кирпичи.

И всех, кто в могилу сходил непокрыт,
От кар за грехи — укрывал этот щит.

Успех обеспечен в работе такой,
И спорился труд у него под рукой.

Но как-то случилось — к нему подошел
Прекраснейший отрок и слово завел:

«О, стыд и бессилье — твое ремесло!
Пусть возится с глиной погонщик ослов!

Вставай и лопатою землю не бей,
Ведь в хлебе никто не откажет тебе!

Брось эту отливку, что формой стара,
По-новому новое делать пора!

С твоей сединою тебе ли с руки
Мять глину с водой в земляные комки?

Ты стар, и покой тебе необходим,
А труд молодых предоставь молодым!»

Старик ему: «Пыл этот угомони!
Уйди и помех мне в труде не чини!

Нам, старым, подходит знать толк в кирпичах,
А юношам — тяжесть таскать на плечах!

К труду потому и тянусь я рукой,
Чтоб не протянуть ее перед тобой.

Не нищий — пред кем-нибудь кланяться дирхем,—
Тружусь и свой хлеб заработанный ем.

За этот кусок не терзай ты меня,
И коль я не прав,— да не видеть мне дня!»

От слов старика порицатель его
Заплакал и, плача, пошел от него.

Старик с таким качеством — видывал свет,
Одобрены дело его и ответ.

РАССКАЗ О ЦАРЕ-ПРИТЕСНИТЕЛЕ И ПРАВДИВОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Жил некий правитель, поправший закон.
В искусстве придирок — Хаджджаджем был он.

Что ночь от ушедшего дня понесет —
Наутро докладчик ему донесет.

И как-то приходит к царю клеветник
Из тех, что в чужие секреты проник,

Луною обучен опасной игре,
А ябеде — долг отдает на заре.

«Такой-то тут старец,— царю он донес,—
Сказал: ты бессмысленный див кровосос!»

Шах, в ярость придя от подобных речей,
Вскричал: «Я сейчас же зову палачей!»

Он стелет ковер, насыпает песку,
Он злобой и дива поверг бы в тоску!

А к старцу бежит горожанин один:
«Шах казнь для твоих умышляет седин!»

И старец омылся, и саван берет,
И к шаху с бесстрашною речью идет.

Шах руки одна о другую потер,
Глядит себе в ноги, решением скор:

Ты, слышал я, «дивом» меня называл,
Твердил, что бессмысленно я убивал?

Ты с царством моим справедливым знаком,
Чего же порочишь меня языком?»

И старец ответил царю: «Я не спал.
И больше, чем эти слова, я сказал.

Перед старым и малым не зная стыда,
Ты грабишь деревни, сосеешь города.

Я тот, кто пороки твои подсчитал,
В дурном и благом тебе зеркалом стал.

Ты в нем отразился таким, каков есть,—
Разбить это зеркало — малая честь!

Правдив я, пойми правоту моих слов!
А хочешь повесить — я к смерти готов».

Бесстрашным признанием речь старика
Царя потрясла, правотой велика.

Шах поднял глаза, устремил их вперед
И в правде — он кривду свою узнает.

Вскричал он: «Тотчас с него саван совлечь!
В почетное платье и в амбру облечь!»

И стал, беззаконья оставя пути,
В заботе о людях законность блюсти.

Правдивое слово в стране поощрил,
За правду — ущерб нигде не чинил.

Вот так побеждает правдивость в делах,
Ты дашь правоту, а победу — аллах.

Правдивая речь да пребудет крепка!
Ах, горько нам, горько,— ведь правда горька!

Но тем, кто правдивость в беседу вложил,
Пособником речи сам бог послужил.

Правдиво твое, Низами, естество,—
И правдой увенчано дело его!

СЕМЬ КРАСАВИЦ

(Отрывок из поэмы)

НАСТАВЛЕНИЕ СВОЕМУ СЫНУ

Сын мой! Мудрым наставленьям знающих внимли!
В твой мактаб они скрижали знаний принесли.

Только знание — друг надежный, охранитель наш,
Разрешитель всех сплетений, неусыпный страж.

Каждый бодрствующий ныне, только час пробьет,
Все оставит и на ложе вечное уйдет.

Говорю тебе сегодня: «Сын мой, берегись!
Мне пора возлечь на ложе, ты теперь проснись!

Сада счастья, сада жизни ты — нетленный цвет, —
Знай — ты носишь не напрасно имя — Мухаммед.

По стеченью звезд ты назван. Мой завет прими:
В бранный барабан Махмуда громче загреми.

Имя доброе на стали славы отчекань.
Верь в свой путь, небес высоких головой достань.

Чтоб, войдя в селенье верных, к вечным небесам,
Был я за твои деянья почитаем там.

С мудрыми ищи союза, чтобы под конец
Доброй славы и величья восприять венец.

Запах мускуса и розы нам из уст живых
И без многих слов дороже многих слов пустых.

Если хоть один порочен средь друзей твоих,
Он один в глазах народа опорочит их.

Если глупая пичуга в сети попадет,
Вслед за ней вся стая будет биться средь тенет.

Если кто во время хаджа деньги утаит,
Нож разбоя всех идущих в хадже поразит.

На стезе своей, как старец ветхий, не дремли,
Пола чистые одежды подбери с земли.

Чтобы в темном и опасном доме бытия
Далека от наваждений жизнь была твоя.

И не обольщайся мнимой ровностью стези, —
Труден будет путь. Над грозной бездной не скользи.

Если даже ты, как сокол, сможешь полететь,
То, как солнце, надо зорко вокруг себя смотреть.

Помни: этот путь далекий — древних путь охот;
Ведай: держит лук и стрелы хищный небосвод,

Пусть твое железо сталью чистой зазвенит.
Знай — дорога камениста, камень тот — магнит.

Если мула ты навьючишь тягостно сейчас,
Ты подумай, чтоб в трясине мул твой не увяз.

Знай, порой в узле мудреном ключ ты обретешь,
Дело трудное порою легким ты найдешь.

Сны тревожные смущают светлый мир души,
Если ж вникнуть — обещанья будут хороши.

Коль порою жало горя поражает в грудь,
В эти дни броню терпенья, сын мой, не забудь.

Будь лишь верен клятве богу, с ним судьбу свяжи,
О привязанностях прочих долго не тужи.

Если не нарушишь данный вечному обет,
То, поверь, мой сын, избежешь в этом мире бед.

Лучший перл из ожерелья здесь не потеряй,
Низких, подлых по природе зорко избегай.

Лжец, неверный — разве будет верен он тебе?
Зло творит — для зла пришедший, зло — в его судьбе.

Щедро пусть тебя основа злая одарит —
Это ложь! А в ней основа злая говорит.

Ядовит и подл по сути злобный скорпион,
И щадить его постыдно, пусть погибнет он.

Завоюй дары достоинств, — помни, что без них
Ты хоть и откроешь двери — не закроешь их.

Тот, кто учится упорно, тот рукой своей
Из скалы рубин добудет, жемчуг из морей.

Среди знающих — ушами хлопать, как осел,
Будет тот бедняк, кто знаний прочных не обрел.

О, как много дар сгубивших было среди нас —
Из-за лени! Гончарами видим их сейчас.

О, как много нищих сердцем, разумом слепых,
Но усердных, видим ныне средь судей земных.

Если дичь твоя собака брать обучена,
Эта дичь и по закону нам разрешена.

Если пса каким-то знаниям можно обучить,
Человек небесным духам должен равным быть.

Ты, как Хызр, свой дух бессмертным знаньем возвеличь,
Чтобы чистого потока вод живых достичь.

Притча здесь: вода живая — это не вода.
Это, друг, душа и разум, слитые всегда.

Разум и душа, единством истинным дыша.
Побеждают; вечно живы разум и душа.

И они стремятся оба слиться с божеством,
Если ими обладаешь, усомнишься ль в нем?

И когда от этих двух ты к одному придешь,
Ты себя и человеком в день тот назовешь.

И когда одно найдешь ты, этих двух оставь
И стопу на темя мира радостно поставь.

Отрекись от трех, на крыльях их парить нельзя.
Отрекись от двух, двойною верой жить нельзя.

Ты из этих трех канатов ухвати один,
Два отбрось, и три каната преврати в один.

Если же от трех бесстрашно ты не отойдешь,
Сферу чистой веры в небо ты не понесешь.

Отрекись от двух отважно, и найдешь одно,
И тебе блаженство будет высшее дано.

Только в нем для нас — едином — слава, жизнь и власть.
Все, что вне его, — безумье, низменная страсть.

Молод, свеж ты у начала своего пути, —
Исполненье всех желаний можешь обрести.

Если кипарис, ударом грозовой стрелы
Сломлен, рухнет — не добудешь из него смолы.

Ты, пока сияет утро, сын мой, посмотри
Зорко в даль — и путь отрадный света избери.

Как весенний цвет, одеждой чистой облекись,
На пути служенья богу стань, как кипарис.

Я, увы, утратил свежесть, волос побелел,
Белизна моя поблекла, лик мой пожелтел.

Я утратил драгоценный пояс и венец,
И от немощей устал я тяжело наконец.

Я служил, как муж и воин, безупречен был.
Где же власть моей десницы? Где избыток сил?

Скручен временем я, связан. Вяжет, как рабов,
Всех нас — время. Что ж, обычай у него таков.

Я не пал еще, на крыльях раненых взлетел.
Я — паду, и неизвестный ждет меня удел.

Если оспа Ахмадуку исказит черты,
Назовут ли Ахмадука чудом красоты?

Но хоть всюду, угрожая, тень за мной бежит,
Знаю — зонт в руке надежный надо мной раскрыт.

Горе мне! Дряхлеет тело — сохнет водоем,
Что же низменная алчность все не гаснет в нем?

Алчность, словно на монете, знак свой на любом
Ставит сердце, и влачим мы горестный ярем.

Боже! Страждущее сердце исцелить приди,
Разум мой от унижений здесь освободи!

О, доколе длиться мукам? Дай мне чистый свет!
Принеси во тьму светильник, если солнца нет!

Я сомненьем и тревогой ранен глубоко.
Облегчи мой груз, ведь это для тебя легко!

Вот, едва освободил я шею из петли,
Вновь под ношей непосильной гнусь я до земли.

Я доволен был и малым данным мне зерном.
Мал мой дом, как дом улитки, все же — он мой дом.

Быть главой в своем жилище, быть собой самим
Я хотел. Зачем я должен вновь служить другим?

Вольный лев достиг величья и могучим стал
Лишь тогда, когда ошейник он с себя сорвал.

Лучше нищим и голодным хлеб свой подавать,
Чем халву за дастарханом низкого вкушать.

Меч блистающий свой утро устремило ввысь.
О, доколе спать ты будешь? Низами, проснись!

Не боясь труда, с рассветом свой калам бери
И сокровищницы двери людям отвори!

БАХРАМ УБИВАЕТ ДРАКОНА И НАХОДИТ КЛАД

Раз, когда в садах дышала ранняя весна,
Он погнал корабль веселья по морю вина.

Пил вино Бахрам и свиту шаха угощал,
Вышел прочь и, опьяненный, в степи поскакал.

За онаграми погнался, вихрем пыль всклубил,
Много он арканом резвой дичи повалил.

Дальше стадо убегало, он вослед скакал,
И ловил он, и добычи новой он искал.

Самка легкая онагра перед ним взвилась,
С криком в сторону от стада вихрем понеслась.

Ушки острые вздымая над широким лбом,
Статью легкой и осанкой схожая с конем.

Словно золото, блестела гладкая спина,
Снизу же была, как сахар с молоком, она.

Полосой блистая черной вдоль всего хребта,
В крапинках была от шеи черной до хвоста.

Были пятна, как зуннара пестрое шитье,
А на лбу была, как роза, челка у нее.

Красотой своих соперниц резвых превзошла,
В быстроте у всех онагров первенство взяла.

Вся она была, как пламя, среди трав степных,
Как красавица в одежде избранных святых.

Ноги легкие, как стрелы, тонки и быстры,
Уши — лезвия кинжалов, — как алмаз, остры.

Не было горба и гривы на спине у ней,
Уши охраняли шею, шей других стройней.

Полосы по-аравийски на спине черны,
Обвили, как две дороги, выпуклость спины.

И узоры аравийской кожи на бедре
Прихотливы были, словно чернь на серебре.

На боках ее, как жемчуг, светит белизна,
Кровь ее в широких венах, как рубин, красна.

В полосах на легкой шее пламенеет кровь,
Будто красный шелк, играет и краснеет кровь.

Словно зиндж, жонглирующий связками ремней,
Кровеносные сосуды извилились на ней.

Черный хвост ее взлетает, круп ее дрожит,
Шея гибкая играет с золотом копыт.

От преследованья резво убегал онагр.
Вслед Бахрам — туда, где в даях пропадал онагр.

Был онагр и быстр, и молод, мчался — полный сил,
А за ним ловец онагров, словно лев, спешил.

Так с утра и до заката, не преодолев
Расстоянья между ними, гнал онагра лев.

Не хотел Бахрам от этой дичи отставать,
Гнал коня весь день, а дичи все не мог догнать.

Впереди онагр пугливый, а за ним — Гурхан,
Степь кругом. Садилось солнце в заревой туман.

Мчался он пустыней дикой среди голых скал
И увидел пасть пещеры, где онагр пропал.

А приблизившись к пещере, ужаснулся он:
Вход в пещеру ту огромный охранял дракон.

Он клубился, словно черный смоляной поток,
Путь безвестный преграждал он, словно темный рок.

Был, казалось, тяжким серным дымом он объят,
Был огнем, что из утробы извергает ад.

Он, как дерево без листьев, лапы простирает,
Будто сам владыка ада шаху предстоял.

Словно черный зев пещеры, пасть его была,
И душа его добычу новую ждала.

Видно, только что онагра проглотил дракон,
Взгляд свирепый на Бахрама устремил дракон,

Так, погоней увлеченный, шах в беду попал,
Но, увидевши дракона, сам драконом стал.

Он в смятении охоту позабыл свою,
Видел — трудно будет змея победить в бою.

Для какого испытанья тайная звезда
Из степей его привольных завела сюда?

Он искал кругом глазами, где онагр пропал?
В пасть разъятую дракона, видно, он попал.

Иль на правый суд Бахрама он хотел призвать,
Чтоб насильника железом шахским наказать?

Шах подумал: «Если это для меня дракон,
А не дичь, — то и в могиле буду посрамлен.

Я — возмездье за онагра. Смерти не страшусь,
Будь что будет, справедливый суд свершится пусть!»

Так решив, с единоборством медлить он не стал,
И двужалую хаданга он стрелу достал.

И на лук из ветки туза положил стрелу,
И, в глаза дракона целясь, он пустил стрелу.

И в тот миг, как устремился на него дракон,
Поразил в глаза дракона той стрелою он.

И в глаза дракона оба острия впились,
И дороги Ахримана в мир оборвались.

Полюбуйся, как двужалой шахскою стрелой
Ослеплен был в миг единый тот насильник злой.

И когда дракону темен мир и тесен стал,
Шах, как хищная акула, на него напал.

Острые копы дракону в горло он вонзил,
Будто лев в хребет онагра лапу запустил.

Он рассек дракону горло острием копы,
Он пресек ему дорогу зла и бытия.

И дракон со страшным ревом обземь головой
Грянулся, как дуб, что с треском рухнул под грозой.

Рухнул наземь он, как глыба с кручи горных скал.
Шах, на миг отпрянув, снова на него напал.

Он булатом Ахриману голову отсек, —
Враг да будет обезглавлен, истреблен навек.

Он мечом своим дракону брюхо распорол
И онагра у дракона в животе нашел.

Видно, тот онагр дракону отомстить хотел,
Бог Бахраму за онагра отомстить велел.

И склонил, шепча молитву, голову Гурхан,
Понял, что ему победу сам послал Яздан.

И, утешась, сесть хотел он на коня опять
И охоту на онагрэв в поле продолжать.

Увидал онагр — к ловитве снова рвется лев,
Прискакал и перед шахом вполз в пещерный зев.

По камням вослед онагру шах пошел пешком,
И, согнувшись, в ту пещеру он вошел с трудом.

Увидал во тьме, как будто светочи дрожат,
И нашел он в той пещере драгоценный клад.

Там кувшины были полны слитков золотых,
Лалы, скрытые, как пери, от очей людских.

Приведя Гурхана к кладу, голову склонил
Тот онагр и мигом скрылся, — след его простыл.

Шах, сокровища нежданно под землей найдя,
От дракона клад бесценный тот освобождая,

Вышел из пещеры тесной, стал пути искать,
Спутников своих он начал громко выкликать.

С час у входа той пещеры он стоял, пока
Прибыли к нему на голос слуги и войска.

Радовались все, что снова шаха обрели,
Что живым его в безлюдном месте том нашли.

С ними радуясь душою, приказал Бахрам
Всем своим могучим слугам и богатырям,

Чтобы вход они прорыли в глубину земли,
Чтоб сокровища наружу поскорей несли.

Триста молодых верблюдов на своих горбах
Понесли тот клад богатый в кожаных тюках.

Если сильный за онагра вольного отмстит
И насильника-дракона сталью поразит,

Небеса его за это отблагодарят
Благодеянием и счастьем и откроют клад.

Вновь Бахрам к пирам, к веселью сердце обратил,
Он на празднества сокровищ много расточил.

Поначалу Яздигерду старому в Иран
Десять с золотом верблюдов отослал Гурхан.

И Мунзира, что Бахраму ближе брата был,
Он сокровищами клада щедро одарил.

Людям и себе на счастье клад он расточал,
Ни писцов, ни казначеев клада он не знал.

Несколько еще он кладов вскоре отыскал, —
Брал их, радуясь, с открытым сердцем раздавал.

Царь Йемена живописца пригласить велел,
Чтобы подвиги Бахрама он запечатлел.

И художник вновь явился, кисти, краски взял,
На большой стене картину боя написал.

И потом, какой бы подвиг шах ни совершал,
Живописец в Хаварнаке все изображал.

БАХРАМ И РАБЫНЯ

Поохотиться, порыскать захотел Бахрам
По долинам травянистым, по глухим горам.

В степь рассветною порою он коня погнал
И, пустив стрелу, в онагра быстрого попал.

Вровень с Муштари звездой в небе плыл Стрелец, —
Муштари достал стрелою царственный стрелец.

А загонщики из поля дальнего того
Стадо легкое онагров гнали на него.

И охотник, нетерпением радостным томим,
Сдерживал коня на месте, что играл под ним.

Вот пускать он начал стрелы с тетивой тугой,
В воздухе стрела свистела следом за стрелой.

Промеха не знал охотник, прямо в цель он бил.
Пробегающих онагров много подстрелил.

Если есть онагр убитый и кувшин вина —
Полная огня жаровня алчущим нужна.

Дичь степную настигали за стрелой стрела
И без промаха пронзали, словно вертела.

Даже самых быстроногих шах не пропускал,
Настигал, и мигом им он ноги подсекал.

Шах имел рабу, красою равную луне;
Ты такой красы не видел даже и во сне.

Вся — соблазн, ей имя — Смута, иначе — Фитна,
Весела, очарованьем истинным полна.

Петь начнет ли, на струнах ли золотых играть —
Птицы вольные слетались пению внимать.

На пиру, после охоты и дневных забот,
Шах Бахрам любил послушать, как она поет.

Стрелы — шахово оружие. Струны — стрелы дев,
Как стрела, пронзает сердце сладостный напев.

Стадо вспугнутых онагров показалось там,
Где земля сливалась с небом. Поскакал Бахрам

По долине в золотистый утренний туман,
Сняв с крутой луки седельной свой витой аркан.

На кольцо он пусковое положил стрелу,
Щелкнул звонкой тетивой и пустил стрелу.

В бок онагру мчащемуся та стрела вошла,
И, целуя прах, добыча на землю легла.

За короткий срок он много дичи подстрелил;
А не стало стрел — арканом прочих изловил.

А рабыня, отвернувшись, поодаль сидела, —
От похвал воздерживалась — даже не глядела.

Огорчился шах, однако слова не сказал.
Вдруг еще онагр далеко в поле проскакал.

«Узкоглазая татарка! — шах промолвил ей, —
Что не смотришь, что не ценишь меткости моей?

Почему не хвалишь силу лука моего?
Иль не видит глаз твой узкий больше ничего?

Вот — онагр, он быстр на диво, как поймать его?
От крестца могу до гривы пронизать его!»

А рабыня прихотливой женщиной была,
Своенравна и упряма и в речах смела.

Молвила: «Чтоб я дивилась меткости твоей,
Ты копытце у онагра с тонким ухом сшей».

Шах, ее насмешки слыша, гневом пламенел,
Он потребовал подобный ветру самострел.

И на тетиву свинцовый шарик положил.
В ухо шариком свинцовым зверю угодил.

С ревом поднял зверь копытце к уху, на бегу,
Вырвать он хотел из уха жгучую серьгу.

Молнией, все осветившей, выстрел шаха был.
Он копыто зверя к уху выстрелом пришил.

Обратясь к рабыне: «Видишь?» — он спросил ее.
Та ответила: «Ты дело выполнил свое!

Ремесло тому не трудно, кто постиг его.
Тут нужна одна сноровка — только и всего.

В том, что ты сейчас копыто зверя с ухом сшил, —
Лишь уменье и привычка — не избыток сил!»

Шаха оскорбил, озлобил девушки ответ.
Гнев его блеснул секирой тем словам вослед.

Яростно ожесточилось сердце у него.
Правда злобою затмилась в сердце у него.

Властелин, помедли в гневѣ друга убивать,
Прежде чем ты вновь не сможешь справедливым стать.

«Дерзкую в живых оставляю — не найду покоя.
А убить — женоубийство дело не мужское.

Лишь себя я опозорю», — думал гневно шах.
Был у шаха полководец, опытный в боях.

Шах сказал: «Покончи с нею взмахом топора —
Женщина позором стала моего двора.

Нам не позволяет разум кровью смыть позор».
Девушку повез вельможа в область ближних гор.

Чтобы, как нагар со свечки, голову ее
С тела снять, привез рабыню он в свое жилье.

Дева, слезы проливая, молвила ему:
«Если ты не хочешь горя дому своему,

Ты беды непоправимой, мудрый, не твори,
На себя моей невинной крови не бери.

Избранный и задушевный я Бахрамов друг,
Всех рабынь ему милее я и всех супруг.

Я Бахрама услаждала на пирах досуг,
Я вернейших разделяла приближенных круг.

Див толкнул меня на шалость — дерзок и упрям...
Сгоряча, забыв про жалость, приказал Бахрам

Верную убить подругу... Ты же два-три дня
Подожди еще! Сегодня не казни меня.

Доложи царю обманно, что раба мертва.
Коль обрадуют владыку страшные слова, —

О, убей Фитну тогда же! Жизнь ей не нужна!
Если же душа Бахрама будет стеснена

Сожаленьем, то бесследно отойдет беда.
Ты избежешь угрызений совести тогда.

Кипарис судьбы напрасно в прах не упадет.
Хоть Фитна теперь ничтожна, но — пора придет —

За добро добром тебе я возмещу сполна!
Ожерелье дорогое тут сняла она

Полководцу семь рубинов лучших отдала.
А цена тому подарку велика была,

Дань с Омана за два лета — полцены ему.
Полководец внял совету мудрому тому,

И не сделал ни на волос он вреда Фитне.
Молвил: «Будешь в этом доме ты служанкой мне.

Ни при ком Бахрама имя не упоминай.
«Наняли меня в служанки», — всюду повторяй.

Данную тебе работу честно выполняй.
О тебе я позабочусь — не забуду, знай!»

Тайный договор скрепили, жизнью поклялись;
Он от зла, она от ранней гибели спаслись.

Пред царем предстал вельможа через восемь дней.
Стал Бахрам у полководца спрашивать о ней.

Полководец молвил: «Змею я луну вручил
И за кровь ее рыданьем выкуп заплатил».

Затуманились слезами шаховы глаза,
И от сердца полководца отошла гроза.

Он имел одно поместье среди земель своих —
Сельский замок, удаленный от очей мирских.

Стройной башни над холмами высился отвес,
Омываемый волнами голубых небес.

Шестьдесят ступеней было в башенной стене,
Кровля башни поднималась к звездам и луне.

С сожаленьями своими там — всегда одна —
Постоянно находилась бедная Фитна.

В том селении корова родила телка,
Ласкового и живого принесла телка.

А Фитна телка на шею каждый день брала,
За ноги держа, на башню на себе несла.

Солнце в мир несет весну — и несет Тельца.
А видал ли ты луну, что несет тельца?

Женщина же молодая, хоть и с малой силой,
Каждый день тельца на кровлю на себе вносила,

За шесть лет не покидала дела. Наконец
Стал быком шестигодовым маленький телец.

Но красавица, чье тело легче лепестка,
Каждый день наверх вносила грузного быка.

Шею нежную, как видно, груз не тяготил,
Бык жирел, и у рабыни прибывало сил.

С полководцем тем сидела вечером одна
Узкоглазая с душою смутною Фитна.

И четыре крупных лала — красных, как весна,
Из ушных своих подвесков вынула она.

Молвила: «Ты самоцветы ценные продай
И, когда получишь плату, мне не возвращай;

Накупи баранов, амбры, розовой воды,
Вин, сластей, свечей, чтоб ярко осветить сады.

Из жарких и вин тончайших, амбры и сластей
Пиршественный стол воздвигни в замке для гостей.

Как приедет к нам властитель, ты встречать поди,
На колени стань пред шахом, на землю пади;

Под уздцы коня Бахрама хоть на миг возьми!
Душу распластай пред шахом — позови, прими!

Нрав хороший у Бахрама — ласковый, простой,
Коль приедет он, довольны будем мы с тобой.

Здесь, на башне, достающей кровлей облаков:
Пир устроим мы, прекрасней царственных пиров.

Если замысел удастся, то, клянусь тебе:
Ожидает нас великий поворот в судьбе».

Полководец самоцветов брать не захотел,
Ибо тысячей таких же ценностей владел.

Из казны своей он денег, сколько надо, взял.
Царственный припас для пира скоро он достал.

Все там было, чем богаты Фарс и Индостан:
Птица, рыба, дичь, корица, перец и шафран,

И рейхан, и вин кувшины, и гора сластей,
Чтоб суфра благоухала амброй для гостей.

Все хозяин изготовил. И остался там
Ожидать, когда на ловлю выедет Бахрам.

В дни ближайшие делами утомленный шах
Поохотиться, порыскать захотел в горах.

Но пред тем как он в ущельях дичи настрелял,
Дичи собственной добычей сам неожиданно стал.

Попутру он меж холмами ехал налегке
И увидел зелень, воды, замок вдалеке.

Густолиственный тенистый он увидел сад,
Словно край обетованный мира и усад.

На ветру листва играет, утешая взгляд.
Шах воскликнул: «Чье все это? Кто же так богат?»

Чуть селения властитель это услышал, —
Он у стремени Бахрама в этот миг стоял, —

На колени пал и землю он облобызал.
«Ласковый к рабам владыка! — шаху он сказал. —

Здесь моя земля. Тобою мне она дана.
Пала капля из фиала твоего вина

В дом раба, и благом стала для него она.
Коль тебе пришлось по сердцу тень и тишина

Моего угла простого — тем возвышен я!
Ты с простыми — прост. Природа счастлива твоя.

Я молю: войди в калитку сада моего!
Старому слуге не надо больше ничего.

От твоих щедрот великих раб твой стал богат.
И построил здесь я замок с башней до Плеяд.

Башня свежими садами вся окружена.
Если шах на башне выпьет моего вина,

Звезды прах у входа в башню будут целовать,
Ветер амброй вдоль покоев будет провевать,

Муха принесет мне меду, буйвол — молока!»
Понял шах: чистосердечны речи старика.

«Быть по-твоему! — сказал он. — Нынче же приду
Отдохнуть после охоты у тебя в саду».

И Бахрам со свитой дальше в поле ускакал.
Приказал хозяин слугам чистить медь зеркал.

Все проверил, был порядок всюду наведен.
Словно рай, коврами кровлю изукрасил он;

Из диковинок индийских — лучшие достал,
Из китайских и румийских — лучшие достал,

И — ковер к коврику — на землю прямо разостлал,
Как песок по ним рассыпал адамант и лал.

Вот, ловитвой насладившись, подскакал Бахрам,
И скакун хуттальский шаха прыгал по коврам.

Шах на верхнюю ступеньку лестницы встает.
Видит — купола над башней несказанный взлет.

Свод высок, — от Хаварнака он свой род ведет.
Пышностью он попирает звездный небосвод.

А суфра благоухает розовой водой,
Амброй, винами и манит сладостной едой.

И когда Бахрам свой голод сладко утолил,
Начал пир и вкруговую винный ковш пустил.

А когда он пить окончил гроздий алый сок,
Капельки росы покрыли лба его цветок.

Молвил он: «О, как радушен ты, хозяин мой!
Чудно здесь! Твой дом обилен, как ничей иной.

И настолько эта башня дивно высока,
Что арканом ей обвили шею облака.

Но на шестьдесят ступеней этой высоты
В шестьдесят годов — как станешь подыматься ты?»

Тот ответил: «Шах да будет вечен!
И при нем кравчим гурия да будет, а Замзам — вином!

Я мужчина, я привычен к горной крутизне,
И по лестнице не диво подыматься мне.

А вот есть красавица — обликом луна,
Словно горностаи султана, словно шелк, нежна;

Но она быка, который двух быков грузнее,
Каждый день на башню вносит на девичьей шее,

Шестьдесят ступеней может с ношею пройти
И ни разу не присядет дух перевести.

Этот бык — не бык, а диво; то не бык, а слон,
Жира своего громаду еле тащит он;

В мире из мужчин сильнейших нет ни одного,
Кто бы мог хоть на полпяди приподнять его;

Но быка того на плечи женщина берет
И на кровлю башни вносит — под высокий свод».

Шах Бахрам от удивленья палец прикусил.
«Где ты взял такое диво? — старца он спросил. —

Это ложь! А если правда — это колдовство!
И покуда не увижу чуда твоего,

Не поверю я!» И тут же привести велел
Эту женщину, мгновенья ждать не захотел.

Вниз по лестнице хозяин быстро побежал,
Женщине, быка носящей, все пересказал.

Сребротелая все раньше знала и ждала,
И она готова с шахом встретиться была;

Одеяньями Китая стан свой облекла,
Пьяно-томные нарциссы розе придала,

Обольщения сурьюмою очи подвела,
Тайных чар огнями взоры темные зажгла.

Как росу, над кипарисом перлы отрясла,
В кисею Плеяд луною летнею всплыла,

Плечи, как венцом, одела амброю кудрей;
Локоны черны, как негры, на щеках у ней,

Родинка у ней индуса темного темней, —
Рвутся в бой индус и негры — воинов грозней.

Маковка в венце жемчужин южной глубины,
Покрывало словно Млечный Путь вокруг луны,

А в ушах огни рубинов и камней зеленых
Превратили в буйный рынок скопище влюбленных.

Применила семь она снадобий сполна
И как двухнедельная поднялась луна.

Вот она к быку походкой легкой подошла,
Голову склонив, на шею чудище взяла,

Подняла! Ты видишь — блещет самоцвет такой
Под быком! При этом блеске, словно бык морской,

Он бы мог на дне пучины по ночам пастись.
И — ступенька за ступенькой — побежала ввысь

Женщина и вмиг на кровлю круглую вбежала,
У подножия престола шахского предстала

И, смеясь, с быком на шее перед ним стояла.
Шах вскочил, от изумленья ничего сначала

Не поняв. Воскликнул: «Это — каважденье сна!»
С шеи на пол опустила тут быка Фитна.

И, лукаво подмигнувши, молвила она:
«Кто снести способен наземь то, что я одна

Вверх, благодаря чудесной силе, подняла?»
Шах Бахрам ответил: «Это сделать ты могла

Потому, что обучалась долгие года,
А когда привыкла, стала делать без труда;

Шею приноравливая к грузу день за днем.
Тут — лишь выучка одна, сила — ни при чем!»

А рабыня поклонилась шаху до земли
И сказала: «Терпеливо истине внемли!

Ты за долг великой платой должен мне воздать.
Дичь без выучки убита? А быка поднять —

Выучка нужна? Вот — подвиг совершила я!
В нем не сила, в нем видна лишь выучка моя?

Что же ты, когда онагра подстрелить умел,
Ты о выучке и слова слышать не хотел?»

Милую по тем упрекам вмиг Бахрам узнал:
В нетерпенье покрывало он с луны сорвал,

Ливнем слез ланиты милой жарко оросил,
Обнимал ее, рыдая, и простить просил.

Выгнал прочь и злых и добрых, двери притворил.
Молвил: «Хоть тебе темницей этот замок был,

Я, послав тебя на гибель, убивал себя,
Ты цела, — а я разлукой истерзал себя».

Села дева перед шахом, как сидела встарь,
И сказала: «О смиривший смуту государь!

О разлукою убивший бедную Фитну!
О свиданьем ожививший бедную Фитну!

Пыл моей любви меня же чуть не задушил.
Шах когда с копытом ухо у онагра сшил

Не пернатою стрелою — шариком свинца,
Небеса поцеловали руку у стрельца.

Я же, если в сдержанности доброй пребыла,
От любимого дурное око отвела;

А всему, что столь прекрасно кажется для нас,
Нанести ущерб великий может вредный глаз.

Я ль виновна, что небесный прилетел дракон
И любовь затмил враждебным подозреньем он?*

Взяли за сердце Бахрама милые слова,
Он воскликнул: «О, как верно! О, как ты права!

Был бы этот перл навеки камнем раздроблен,
Если б он слугою честным не был сбережен».

И, призвавши полководца, наградил его,
И рукой, как ожерельем, шах обвил его.

Как никто теперь не дарит из земных царей, —
Одарил его и отдал целый город Рей.

Ехал шах домой, весною реял над страной,
Сахар на пиру рассыпал. В брак вступил с Луной.

И пока не завершили долгий круг года,
В наслажденье, в ласке с нею пребывал всегда.

БАХРАМ И ПАСТУХ

Размышляя непрестанно о плохих делах
Государства, несказанно огорчился шах.

Но душою утешался на охоте он
И веселым возвращался, с горем примирен.

Раз взяла за повод шаха сильная печаль.
На коня вскочил, помчался он в степную даль.

Он онагра, как бывало, жаждал затравить,
С сердца кровь тревоги черной кровью ланей смыть.

Поохотился, пустыней целый день скакал;
Ноги — горю, руки — муке накрепко связал.

Бил он вепрей и оленей с самого утра.
Время к ночи. В город было поспешить пора.

Так стремительно за зверем рыскал целый день,
Что возжаждал, и укрыться захотел он в тень.

Стал воды искать, — как коршун по степи кружил.
Но ни родника, ни капли влаги не открыл.

Вдруг увидел дым, подобно змею, в вышину
Выраставший, затмевавший полную луну.

Огибал, клубясь, он склоны гор и скал отвес
И тянулся головою мгlistой до небес.

Шах сказал: «Поеду к месту дыма и огня;
Люди, что костер разводят, напоят меня».

Поспешил тогда туда он, где горел костер,
И пастушеский в лощине увидал шатер;

Вкруг шатра — овец отару, а перед шатром —
Суковатую чинару — диво! — с мертвым псом,

На суку в петле висящем. А в самом шатре
Старец восседал, подобный утренней заре

Выражением привета и огнем живым
Ясных глаз. Увидев гостя, он вскочил пред ним.

И, почтив царя приветом, слезть с коня помог.
Все, что отыскать съестного у себя он смог, —

Вынес шаху, молвил: «Правда, яством столь убогим
Не тебя бы угощать мне — посланного богом;

Но да будет извиненьем скудости такой,
Что далек от населенных мест наш край глухой».

Сыр овечий, хлеб и воду предложил овчар.
Жажду утолил, но хлеба не коснулся царь.

И сказал: «Поем я хлеба, если на вопрос
Мне ответишь: в чем повинен этот бедный пес,

И за что такой жестокой казнью он наказан?
Здесь обитель львов, зачем же, словно волк, он связан?»

И овчар ответил: «Слушай, гость прекрасноликый!
Все подробно расскажу я с радостью великой.

Этот пес был умным стражем стада моего.
Уходя, взамен себя я оставлял его.

Верно, преданно овечек он берег моих.
Лапы вора, зубы волка не касались их.

Я, вручив ему охрану дома моего, —
Не рабом, не псом, а другом почитал его.

Это был могучий, страшный для злодеев пес.
День и ночь он службу верно и бессменно нес.

Если я из степи в город уходил порой,
Стадо он стерег, а к ночи приводил домой.

Он моей рукой железной, неизменной был.
Много лет умно и честно так он мне служил

До поры, как я в измене уличил его.
Стал считать я поголовье стада моего;

Счел и не дочелся в стаде я семи голов.
Побоялся, что ошибся. Через семь дней — вновь

Перечел по списку стадо. Снова не хватало,
Но уже — четырнадцати. Перечел сначала, —

Не хватает! Стал я стадо сам стережь тогда,
Но не углядел, откуда подошла беда.

Бдительно стерег, разумно, по ночам не спал.
Но один я был, и только пес мне помогал.

Он по дивному устройству слуха и чутья
Был как сторож — знаю — в сто раз бдительней, чем я.

И еще через неделю вновь я счел овец.
И еще десятка с лишним не нашел овец.

Наконец, по пять, по десять за день недочет.
Вижу: таять стало стадо, как на солнце лед.

И явился злобный мытарь. И, как жадный зверь,
Взял за подати — остатки... Так я стал теперь

Из владельца стад богатых нищим пастухом.
Это горе надо мною грянуло как гром.

Сильно дух во мне сломило, в печень поразило.
Думал я: но чья же сила жизнь мою сгубила?..

Кто бы справился, безумно даже осмелев,
С добрым псом моим, который доблестен, как лев?

Так до времени я думал. Как-то у ручья,
Утомленный, задремал я. А проснувшись, я

Продолжал лежать недвижно, как лежал во сне;
Горе грозное убило бодрость мышц во мне.

Вот и вижу я: волчица к стаду подошла
И на языке собачьем пса подозвала.

Дружественно ей навстречу пес мой побежал;
И хвостом и головою он пред ней вилял.

Ослабев пред нею, к стаду подпускал ее,
И обнюхивал волчицу, и лизал ее.

Под конец на зад волчице пес проклятый сел
И исполнил тут же с нею то, чего хотел;

А потом разлегся — вижу — мирно отдыхать;
И — молчания на морде у него печать.

Так сперва волчица взятку сторожу дала
И тогда спокойно в стадо, как в свое, вошла.

И могучего барана — стада вожака —
Медленно таскающего тяжесть курдюка,

Вмиг зарезал кровожадный хищник и унес.
Не брехнул, не потянулся, не очнулся пес.

О проклятый! Из-за подлой похоти своей
Волку в зубы отдал стадо! Плод забот моей

Жизни, лет моих отраду! И тогда схватил
Я преступника и крепко по ногам скрутил.

И жестокие мученья причинил ему,
Ибо раб повиноваться должен своему

Господину. Был он должен бдеть, мой дом храня,
Он же оказался волком, грабящим меня.

За доверие коварством мне он заплатил;
Был поставлен стражем дома, а воров пустил.

Понял я: от пут разврата душу не спасет
Никогда он. И решил я: лживый да умрет!

Кто предателя собачьей смертью не казнит, —
Знай: того никто на свете не благословит!»

Поученье в этой речи овцепас сокрыл.
Тайный смысл речей властитель мыслью уловил.

Было в них иносказанье, — это понял шах.
Поблагодаривши старца, он направил шаг

В город, думая: «А этот старый овцепас
Царствовать меня научит, вижу, в добрый час!

Мудрое мне указанье дал он навсегда.
Да, пастух я. Подданные — то мои стада.

А дозерьем облаченный первый мой вазир, —
Пес, глядящий, чтобы в стаде был покой и мир.

И когда основы царства рушатся в пучину —
У доверенного надо спрашивать причину!»

И едва приехал в город шах, у приближенных
Он потребовал немедля список заключенных.

И когда он глянул в этот горестный дневник, —
День ему чернил чернее стал и в тьму поник.

Он в смятении и в гневе видит целый мир
Скорби — сонм безвинных, коих заточил вазир.

Там написано: «Таких-то шах казнить велит», —
А потом: «Помилованье им вазир дарит».

Так насильем имя шаха опорочил он.
За собой же — милосердья свет упрочил он.

Разобрав дела, увидел в ярости Бахрам,
Что добро свое домашним отдал он вора.

Вот он — пес, предавший волку все стада его, —
Воровски врага впустивший в города его.

И решил Бахрам вазира в ту же ночь схватить
И, лишив чинов и сана, в башню заточить.

Шах сказал: «Когда оставлю в должности его, —
Про него мне не посмеют молвить ничего.

А во мраке даже искра малая светла;
Сам народ теперь откроет мне его дела».

БАХРАМ ВЕЛИТ СХВАТИТЬ ВАЗИРА-НАСИЛЬНИКА

**Лишь свернула ночь подстилку темную свою
И опять зарей блеснуло утро бытию,**

**И, как Сам — одним ударом острым двух мечей,
Солнце дня луну сразило блеском двух лучей, —**

**Прямо под открытым небом шах Бахрам воссел,
И вельмож, пред всем народом, он созвать велел.**

**Все пришли, кого князьями величал Иран,
Выстроились перед троном, соблюдая сан.**

**С гордым видом из чертога вышел Раст-Раушан,
Подошел к царю он дерзко, не сгибая стан.**

**Грозным взором, полным гнева, шах пронзил его
Крикнул так, что скажешь: криком он убил его.**

**«Подлый раб! Ирана землю окровавил ты!
Разорил народ мой, царство обесславил ты!**

**Ты богатствами вселенной свой подвал набил,
А заветные богатства шахов истребил!**

**Вор! Тобою даже войско все разорено!
Снаряжение могучих ратей — где оно?**

**Подданных моих ограбил, жизнь ты их сгубил,
Кровью слуг моих примерных ноги обагрил!**

**Вместо податей законных все ты отбирал,
Пояса, венцы бесчестно с избранных снимал.**

Ты забыл, видать, о щедрой милости моей!
Не меня — своих поступков постыдись, злодей!

«Жадность хуже, чем безбожье» — вера говорит.
Но давно забыл ты бога, веру, честь и стыд!

Если бы благоденья шаха помнил ты,
Большей бы достиг ты чести, большей высоты.

По твоей вине терплю я ныне гнев небес,
Правда при тебе погибла, свет добра исчез.

Войско и казну сгубил ты! Ныне, в дни войны,
У меня — ни войск на месте, ни моей казны!

Неужель, злодей, ты думал, что, мол, за вином,
Обо всем забыв, владыка спит беспечным сном?

Думал: раз я пьян, ты можешь царство истребить?
Думал древнего Ирана корни подрубить?

Мол, Бахрам забыл о брани на своих пирах...
И что пусть, мол, он скорее превратится в прах?

Если я и забывался прежде за вином,
Я не забывал о вечном небе голубом!»

Сотни обручей железных словом шах ковал
И на шею Раст-Раушану тяжко налагал.

Как злодея, он вазира приказал схватить
И в узилище из рая, словно в ад, тащить.

Чтоб связать вазира, сняли у него тюрбан,
Потащили, заковали, бросили в зиндан.

Ноги у него — в колодках, руки же — в цепях,
Так злодей с вершин гордыни свергнут был во прах

Тут глашатаев повсюду шах послать велел
И глашатаям повсюду выкликать велел:

«Все, кто пострадал по воле злого судии,
Пусть приносят прямо к шаху жалобы свои!»

Толпами, услышав это, воины пришли,
Жалобы на все обиды шаху принесли.

Шах затем пошел в зинданы, в тюрьмы из дворца, —
В ад, где кровью обливались скорбные сердца.

И рассказ он заточенным повелел вести —
В чем виновны, чтоб к цепям их ключ скорей найти.

Больше тысячи их было, в тюрьмы без вины
Брошенных. Все были тут же освобождены.

Из числа их шах великий выбрал семерых —
И расспрашивал отдельно каждого из них.

Каждого спросил он: «Молви, правды не тая:
Ты откуда? Чей ты родом? В чем вина твоя?»

ЖАЛОБА ПЕРВОГО УЗНИКА

Первый узник молвил кротко: «Царь мой пусть живет,
Пусть врагов его раздавит мстящий небосвод!

Раст-Раушан безвинно брата моего схватил,
Истязаньями замучил, пытками убил.

Все имущество, богатство, землю и стада,
Что осталось после брата, взял он без суда.

Люди все вокруг жалели брата моего,
Жизнь загубленную, юность, красоту его.

Стал я жаловаться судьям, громко стал вопить,
Но вазир велел за это и меня схватить.

Он сказал: «Твой брат негодный другом был врагов,
Смуту сеял он. Я вижу, что и ты таков!»

И меня в темницу бросить он велел. Потом
Приказал он грубым гурам мой ограбить дом.

Руки твой вазир и ноги в цепи мне забил,
И в цепях я, как в могилу, в яму брошен был.

Брат мой умер, страшных пыток вынести он не мог,
Я же был лишен бессудно рук своих и ног.

Целый год я протомился в темной яме той,
Но опять надежду жизни лик мне дарит твой».

Так о Раст-Раушане правду услышал Бахрам,
Внял он, полный состраданья, узника словам.

Все вернул ему, что изверг лютый отобрал,
От себя ему за брата щедрый выкуп дал.

Сердце узника от страха он освободил,
Жизнь ему вернул, достаток прежний возвратил.

ЖАЛОБА ВТОРОГО УЗНИКА

Вызвал узника второго милосердный шах;
Тот упал, целуя землю, перед ним в слезах.

Он сказал: «Неподалеку у меня был сад,
Свежестью своей и тенью привлекавший взгляд.

Сад такой найдешь среди райских, может быть, садов,
Круглый год там созревало множество плодов,

Щедро осенью дарил он радостью сердца.
Мне достался по наследству сад мой от отца.

Раст-Раушан моим прекрасным садом был пленен,
И ко мне однажды в гости вдруг явился он.

Все свое гостеприимство я ему явил,
Угощал его плодами и вином поил.

С благодарностью, что дом мой посетил вазир,
Для него в саду прекрасный я устроил пир.

Он шутил со мной, смеялся, яств моих поел,
Пил вино мое со мною, сколько он хотел.

Отдохнувши, он по саду малость побродил
И без памяти, как видно, сад мой полюбил.

И сказал потом: «Продай мне сад свой, о сосед,
Дам за то твоей лампаде я надежный свет».

«Не могу, о благородный! — гостю молвил я. —
Как продам? Ведь этот сад мой — это жизнь моя!

Есть у каждого пристрастье, радость есть своя, —
Я душой привязан к саду, здесь и счастлив я.

Этот сад своим считай ты. Я останусь в нем
Пусть садовником, и даже — пусть твоим рабом.

Если побывать захочешь ты в саду моем,
Ты найдешь в тени отрадной отдых над ручьем.

Приходи в любое время, как хозяин, в сад, —
Будет все тебе готово, чем мой дом богат».

Он сказал: «Не говори мне больше ничего,
Мне твой сад продай за деньги и покинь его!»

Так с твоим вазиром долго препирался я,
Сад не продал и угрозы не боялся я.

В гневе Раст-Раушан из сада моего ушел,
Ложное он обвиненье на меня возвел.

В несвершенном преступленье подло обвиня,
Силой этот изверг отнял сад мой у меня.

А затем, чтоб правосудья я не стал искать,
Приказал меня забрать он, в цепи заковать.

Он великое мне горе причинил и зло,
Вверг в зиндан меня. Два года с той поры прошло».

Шах велел вернуть немедля дом ему и сад
Зеленеющий, цветущий пышно, как Багдад.

ЖАЛОБА ТРЕТЬЕГО УЗНИКА

И Бахраму третий узник правду рассказал:
«Дай тебе господь, чего бы ты ни пожелал.

Все скажу чистосердечно: раб твой был купцом,
Опытным и умудренным в ремесле своем;

В море я ходил на крепком корабле своем;
От того мой хлеб зависел, тем стоял мой дом.

Многим тайнам научился я в путях своих;
Как никто я разбирался в жемчугах морских.

Годы шли. В своих скитаньях долгих добыл я
Горсть жемчужин — несравненных, словно Сурейя,

Через море с полным зобом прилетев домой,
Я с собой привез добычу — весь достаток мой.

Выгодно продать хотел я жемчуга тогда;
Выручки от них хватило мне бы на года.

И едва вазир твой первый стал осведомлен,
Что рабом твоим бесценный жемчуг привезен,

Столько стал он мне за перлы денег предлагать,
Так что сам я устыдился, цены стал сбавлять.

Взял он жемчуг. А как время подошло платить,
В отговорках он уменье проявил и прыть.

Я нищал и в горе денег требовал с него,
Отговорки получал я, больше ничего.

Долго он увертывался. День за днем сменялся.
Над обманутым — я понял — подло он смеялся.

Раз он, будто для расчета, пригласил меня
И с убийцами в темницу заточил меня.

В обвинение придумал он бесстыдный вздор;
Как змея, меня опутал, обокрал, как вор!

Взял он жемчуг. А в уплату вместо денег дал
Мне темницу и в железо руки заковал.

Все, что я имел, украл он без стыда. И вот
Здесь лежу я, нем как камень, в муках третий год.

Но теперь вознагражден я: я увидел лик
Падишаха и свободный вновь обрел язык!»

И велел Бахрам оковы тут же сбить с него
И немедля из темницы отпустить его.

И украденный вазиром жемчуг возвратил
И еще: у вора взятым златом наградил.

ЖАЛОБА ЧЕТВЕРТОГО УЗНИКА

Встал четвертый, славя шаха и благодаря:
«О поистине достойный имени царя!

Музыкант я чужеземный, спутник мой — струна,
Я играю на барбате плавно, как волна.

Я влюблен был. Эта дева мой была кумир
В ней — единственной — мой светлый заключался мир.

Лик ее бело-румяный солнце бы затмил.
Светлый день, как ночь, пред нею мертв и темен был.

Колокольчиком китайским смех ее звенел,
Пред ее улыбкой сладкой мрак ночной светлел.

И завидовала, видя эту красоту,
Юная весна с полями, с чащами в цвету.

Змеи кос ее спадали до подола вниз,
Стройности у ней учился тонкий кипарис.

И она была мне благом и отрадой глаз,
Светом счастья, наполнявшим каждый день и час.

Чернота ее блестящих амбровых кудрей
Драгоценного казалась мускуса черней.

Эта пери научилась пенью у меня.
Жили в счастье мы, не ждали горестного дня.

Снял я дом, и в этом доме жили мы вдвоем:
Неразлучны, как вечерний светоч с мотыльком.

Дева радовала сердце, как светильник, мне,
Радовалась мне, как зелень первая весне.

Раст-Раушан ее со мною злобно разлучил,
Светоч мой в своем чертоге силой заточил.

Светоч мой взяла тирана черствая рука,
Лютым пламенем спалила сердце мотылька.

С каждым днем меня разлука мучила сильней,
В двери я стучал; хотел я повидаться с ней.

Зло смеясь, меня велел он в цепи заковать,
Утверждая, что безумцев надобно вязать.

У меня невесту силой отнял Раст-Раушан,
Я же, скованный, на муки брошен был в зиндан.

Он меня четыре года взаперти держал,
Как безумца. И спасенья я себе не ждал».

Тут же шах ему невесту возвратить велел,
И не просто, а богато одарить велел.

И еще ему особый выкуп заплатил
И на волю их обоих с миром отпустил.

ЖАЛОБА ПЯТОГО УЗНИКА

Пятый молвил: «О владыка мира, чей шатер
Над землей четыре гордых купола простер!

Я — правитель пограничной области твоей,
Верный раб твой; я покорен был царю царей.

Я о пользе государства думал, о мой шах,
Серьги верности владыке у меня в ушах.

Благосклонность и величье шаха и Яздан
Даровали мне богатство, достоянье, сан.

И, молясь, чтоб долголетьем шах был одарен,
Был я в милостыне щедрым, как велит закон.

Раздавал я бедным людям хлеб и серебро,
Ради счастья падишаха делал я добро.

Люди радовались, если в город я въезжал,
Мудрецов, мужей науки в круг я собирал.

Благодеянием и счастьем одарен я был,
И другим я часть достатка раздавать решил.

Серебром дарил я бедных вдов, сирот, детей;
Не было людей голодных в области моей.

Помощи, бывало, просят — помощь я даю,
Падающему я руку простираю.

Если кто-либо, бывало, попадет в беду —
Я спасти его немедля с помощью иду.

Край богат был. Получал я много податей.
Раздавал я много, тратил много на гостей.

Я сводил доход с расходом, в счете был не плох.
Был народ простой доволен, был доволен бог.

А когда вазир твой первый услышал о том,
В гнев он котел насилья вскипятил ключом.

Взял меня под стражу, власти он лишил меня,
Мира, и добра, и счастья он лишил меня.

Он сказал: «Не сам богатства собираешь ты,
Государственные средства расточаешь ты!

Или ты алхимик тайный? Ибо ты богат
Непомерно! Иль огромный отыскал ты клад?

Овладесть твоим богатством скрытым должен я,
Сам отдай, не то отскочит голова твоя!»

И забрал себе он силой все, чем я владел;
Думал, что я клад скрываю, взять меня велел.

Истязал меня жестоко, истомил меня,
И в цепях, в тюрьме подземной позабыл меня.

Так — с семьей, с детьми в разлуке — вот уже пять лет
Я томлюсь; не выйти, думал, больше мне на свет».

Шах вернул ему богатство, одарил его,
В область прежнюю к правленью возвратил его.

ЖАЛОБА ШЕСТОГО УЗНИКА

Был тогда шестой к Бахраму узник приведен,
От темницы, как от хмеля, вдруг очнулся он.

Он, произнеся молитву, пал лицом во прах;
«О пекущийся о бедных, милосердный шах!

Курд я родом, и от знатных я происхожу,
С юности своей тебе я воином служу.

И в твоих походах прежде я с тобой ходил,
Мой отец в войсках у шаха старого служил.

Как мои служили предки в прежние года,
Я — на жизнь и смерть — владыке верен был всегда.

Я во всех боях сражался, жизни не щадил;
Изнурил в походах силу и изранен был.

Наконец ты, справедливый, сам — своей рукой —
Наградил меня за службу домом и землей.

И пахал я эту землю с помощью волов,
И в поход по зову шаха был пойти готов.

Но вазир-насилъник, бедных воинов тесня,
Клок земли, тобою данный, отнял у меня.

Кроме поля, я доходов не имел других,
От земли жену кормил я и детей своих.

Я не раз потом к вазиру с жалобой ходил;
Впал в нужду и, ради бога, помощи просил.

Умолял я справедливо поступить со мной,
Сжалиться его просил я над моей семьей, —

Жалованье из дивана мне установить
Или мне надел земельный прежний возвратить.

Закричал тут на меня он гневно: «Замолчи!
Не нужны теперь нам стрелы ваши и мечи!

Мир у нас! Никто не смеет шаху угрожать!
Царь наш мудр, он не намерен больше воевать.

Не грозит стране опасность больше от войны.
Очень дороги казне вы! Вы нам не нужны!

Ты же сам не будь ленивым! Сам — без дальних слов —
Поработай землекопом, — будешь сыт, здоров!

А не хочешь, то запомни: спор со мной — во зло...
Продавай коня, оружие, сбрую и седло!»

Я ответил: «Дива злобы, князь, остерегись,
Немощен я: весь изранен. Бога устрась!»

Верно я служил, обиды я себе не ждал,
Видишь сам, как я на службе шаху пострадал.

Ночью ты лежал на ложе мягком, в холодке,
Я же, сна не зная, в битву шел с мечом в руке.

В жизни ты не видел горя, знал лишь свой калам;
Я — мечом своим и кровью — был защитой вам.

Бился я мечом во славу шаха моего, —
Ты каламом истребляешь воинство его.

То, что дал мне шах, верни мне! Или же — клянусь —
С жалобой за стремя шаха сам я ухвачусь!»

На меня вазир свирепо, как дракон, взглянул,
Разъярился он, чернила мне в лицо плеснул.

Крикнул: «Ты меня пугаешь, будто ты — поток,
Будто я пред тобою, что земли комок.

Ах, глупец ты и невежда! То ты низко льстишь,
То пожаловаться шаху на меня грозишь?

Знай, что это сам я шаха посадил на трон,
Без меня рукою двинуть не решится он.

Под моей пятою шахи! Все они — вот тут!
По моим лишь указаньям все они живут!

Если бы они не стали слушать слов моих,
Коршуны бы расклевали головы у них!

Так он, честь мою и славу добрую черня,
Отнял у меня оружие, сбрую и коня.

Палачам потом меня он бичевать велел,
И в цепях в зиндан подземный отослать велел.

Я в цепях, в зиндане этом, просидел шесть лет,
Думал, что к свободе, к жизни мне возврата нет».

Обласкал бойца седого справедливый шах,
Наградил его великий и счастливый шах.

И Бахрам в глазах бедняги радость увидал
И надел ему земельный вдвое больше дал.

ЖАЛОБА СЕДЬМОГО УЗНИКА

Выступил седьмой по счету узник и простер
Перед сумрачным Бахрамом слов живой узор:

«Я из тех, кто устранился от мирских тревог,
Кто идет путем дервишей. Мой вожатый — бог.

Длань узка, но взор мой, словно у свечи, широк.
На горенье ради мира я себя обрек.

Надо мной людских соблазнов стал невластен глас,
И от брения земного руки я отряс.

От воды, от сна и пищи отвратился я,
Без воды, без сна и пищи обходился я.

Не имев воды и хлеба, днем не пил, не ел:
Ночью же не спал я — ибо ложа не имел.

Утвердился я в служенье богу моему,
И не знал я дела, кроме как служить ему.

Взглядом, словом, делом людям благо приносить, —
Вот как я старался богу моему служить.

И за мною от вазира стражники пришли.
Вызвал — посадил меня он от себя вдали,

Молвил: «Стал тебя в злодействах я подозревать!
А закон страны — злодеев нам велит карать...»

«О вазир! — в ответ сказал я. — Мысли мне открой,
Жить по-твоему хочу я и в ладу с тобой!»

«Я боюсь твоих проклятий, — отвечал вазир. —
Да скорее бог избавит от тебя свой мир!

Ты злонаравен по природе, мстителен и зол.
Ты дурных молитв немало обо мне прочел.

Из-за злых твоих молений я ночной порой
Поражен, быть может, буду божией стрелой.

Только раньше, чем от злого твоего огня,
Искра божьего проклятья опалит меня.

В глотке яростной молитву я запру твою:
Руки злобные в колодки с шеей закую!»

Заклучил меня в оковы, неба не страшась,
Старика поверг в темницу нечестивый князь.

Как осла, что вертит жернов, он меня велел
Заковать; колодки, цепи на меня надел.

На семь лет меня он бросил в страшный сей затвор...
Я же скованные руки к небесам простер, —

Ниспроверг величье князя я мольбой своей
И сковал злодею руки — крепче всех цепей!

Хитростью меня он бросил в крепость, под замок.
Я же у него разрушил крепость и чертог!

А теперь я отдан небом доброте царя,
И из сердца бьет лучами радость, как заря!»

И прижал властитель к сердцу старца, как отца,
Льва — убийцу нечестивых, божьего борца.

Молвил: «Кроме слов о страхе пред мольбой твоей
И возмездьем, — слова правды не сказал злодей.

Но отшельнику молитву запретить нельзя.
Праведника, как убийцу, осудить нельзя!

И когда творил нечестья он рукой своей, —
Он произносил проклятье над главой своей!

И проклятье это пало на него, как меч,
Голову его мгновенно похищая с плеч.

Ты в награду все богатства, чем владел вазир,
Все себе возьми! Да будет над тобою мир!»

Но сказал дервиш: «Что делать стану я с казной?
Нет! Сокровищем ценнейшим поделись со мной,

Как с тобою поделился лучшим я!» И вот
Круг он сделал, закружился, словно небосвод,

Заплясал, хоть бубен такта и не отбивал, —
И пропал. Растаял, словно вовсе не бывал.

БАХРАМ КАЗНИТ ВАЗИРА-НАСИЛЬНИКА

В час, когда палас свой грязный темная земля,
Выбила, тяжелой пылью солнце застеля,

**Шах сидел один бессонно, позднью порой.
Разрывался он от гнева, как кирпич сырой.**

**Он искал пути прямого к исправленью дел,
Тернии из сада жизни вырвать он хотел.**

**Он узрел несправедливость мира пред собой,
Насаждать решил он правду сам — своей рукой.**

**А когда он о вазире вспомнил, то без сил
Голову свою в ладони с горя опустил.**

**От стыда всю ночь до света он уснуть не мог,
От страдания и скорби век сомкнуть не мог.**

**А когда над миром солнце подняло свой лик,
Посадив в горшке гончарном свежий базилик,**

**Царь для жаждущих рассыпал дождь своих щедрот,
Как росу свою на травы сыплет небосвод,**

**И велел в дворцовом зале трон поставить шах,
Виселицу он устроить приказал в дверях.**

**Дверь открыл он всем. Сошелся городской весь люд.
С обнаженными мечами воины встают.**

**Среди избранных владыка сел на свой престол
И верблюда правосудья в высоту повел.**

**Столько собралось народу ко дворцу с утра,
Что прохода не осталось страже средь двора.**

**Из темницы Раст-Раушана привели в цепях.
Приговор злодею вынес всенародно шах.**

И насильник тот, погязший в мерзости и зле,
Как презренный вор, с позором кончил жизнь в петле.

Шах сказал: «Отныне всякий, кто бы ни был он,
За измену и насилие будет мной казнен!

Как его измены семя ныне проросло,
Каждого за злое дело да постигнет зло!

Так изменники, злодеи, сеятели смут,
Словно псы, от справедливых смерть свою найдут.

Нет, не думайте: у правды больше нет друзей! —
Совесть, честь, земля и небо помогают ей!

Те, кто хитрые капканы ставят для других,
Сами — поздно или рано — попадутся в них».

Тут о пастухе, волчице и о псе Бахрам
Рассказал народу, войску и своим князьям.

Старца пастуха призвал он, щедро одарил,
Как отцу, ему он ласку и любовь явил.

Облегчил он и исправил все дела страны,
Были гнет им и насилие искоренены.

И, когда рука Бахрама за дела взялась —
Стало золотом железо, шелком стал палас.

И опять собралось войско-море у него.
И сокровищ стали горы вскоре у него.

ХАКАН ПРОСИТ У БАХРАМА ПРОЩЕНИЯ

В день, когда хакан услышал о делах царя,
Отойти от зла решил он, благо сотворя.

Распрю он закончить миром поручил послам,
Написал письмо, надеясь, что простит Бахрам.

Он писал: «Виновник смуты наконец казнен;
В нем был корень всех напастей, им я был смущен.

Он хитрил и льстил; он миру и тебе вредил.
Подлой ложью на вражду он дух мой возбудил.

Простодушного — он ловко обманул меня,
На войну с тобой — великим — он толкнул меня.

Он писал: «Страна богата, путь тебе открыт.
Как прочтешь письмо — не медли. Скорый — победит.

Шах страной не управляет, только пьет вино.
Все дела его — пустое хвастовство одно.

Я с тобой теперь на дружбу пояс повяжу,
Приходи с мечом, а шаха сам я поражу».

О твоих деяньях славных я, мой шах, узнал
И увидел, что изменник мне бесстыдно лгал.

В пору брани, в пору мира все вершит Бахрам,
Что великим подобает совершать царям.

Я, как прежде, раб твой верный. В Чине — у себя —
Я хакан. Но эфиопский раб я для тебя!

Дочь моя — раба, служанка твоего дворца;
Прах твоих порогов выше моего венца.

Все послания злодея, что писал он мне,
Где о падишахе мира дерзко лгал он мне

Я свернул и отдал в руки преданных послов,
Чтобы их прочел великий царь мой и хосров*.

А когда Бахрам те письма принял от гонца.
Их прочтя, он разъярился, как калам писца.

Воздал богу он, что правду наконец обрел,
Все дела рукою твердой в царстве он повел.

И когда в дурном и добром суть увидел он,
Справедливостью одною был Бахрам пленен.

Как красавицу, он правду страстно полюбил.
Отпустил он семь красавиц и о них забыл.

Корни всех других стремлений подрубил в себе,
Ради правды жил и счастлив был в своей судьбе.

КОММЕНТАРИИ

Айары — особая организация городской бедноты; выполняли разнообразные работы, но в тревожное время вставали на защиту города, считались смелыми и ловкими.

Ануширван (Нуширван) — прозвание иранского царя Хосрова I из династии Сассанидов; идеал справедливости.

Аргаванное вино — ярко-красное; аргаван — иудино дерево, ствол которого, теряя кору, приобретает такой цвет.

Барбат — старинный музыкальный инструмент.

Бахрам — планета Марс, небесный воитель; популярный персонаж героических и романтических произведений.

Газель — лирическое стихотворение, главным образом любовного содержания, написанное бейтами, двустихиями, связанными одной рифмой.

Гулям — раб, но обычно носящий оружие; телохранитель.

Гулистан — буквально цветник, розовый сад, символ цветущей страны.

Джамшид — легендарный царь древнего иранского эпоса, обладавший чашей, в которой отражался весь мир.

Дехлеви — известный персоязычный поэт Индии (1253—1325).

Земзам — колодец в Мекке, воду которого верующие считают святой, обладающей чудотворной силой.

Зиндж — занзебарец, африканец.

Зиндан — тюрьма.

Зульф — локон, спущенный с виска.

Зуннар — пояс, который носили христиане, подданные мусульманских правителей. Надеть пояс означало отречься от ислама/

Зухра — планета Венера.

Иса — Иисус Христос, причисляется мусульманами к числу великих пророков.

Кааба — мусульманская святыня в Мекке.

Калям — тростниковое перо.

Касыда — стихи, написанные по торжественному случаю; ода.

Кыт'а — форма лирической поэзии. В таких стихах поэт обычно описывал события, выражал затаенные мысли, жаловался на судьбу.

Кыбла — направление в сторону Мекки, куда обращаются мусульмане лицом во время молитвы.

Кей и Кейбаниды — династия легендарных царей Ирана.

В переносном значении «кей» — царь.

Кей-Кобад, Кей-Хосров — мифические цари Ирана.

Коран — священное писание мусульман.

Мактаб — школа.

Минбар — кафедра в мечети, откуда произносят проповеди.

Муптари — планета Юпитер, покровитель мудрости.

Навои — великий узбекский поэт (1441—1501).

Рубаи — форма лирической восточной поэзии, четверостишие, в котором рифмуют первую, вторую и четвертую строки.

Рум — так называли Византию, а иногда всю Малую Азию.

Рустем — легендарный богатырь.

Санджар — султан (1118—1157).

Сам — легендарный герой произведений Востока.

Симург — сказочная царь-птица.

Серафил (Исрафил) — архангел, который звуком трубы возвещает начало страшного Суда.

Сулейман (библ. Соломон) — мудрый повелитель людей и стихий, символ могущества и справедливости.

Сурейя — созвездие Плеяды.

Суфий — последователь суфизма, мистической философии ислама, возникшей в IX в.

Танкалуша (Луша) — искаженное имя астролога Тевкра Вавилонского (I в. н. э.).

Хабеш — Абиссиния; в поэзии метафора для черных волос.

Хадж — паломничество в Мекку.

Хаджджадж ибн Юсуф (685—705) — полководец, известный своей жестокостью и подозрительностью.

Хирадж — налог, земельная подать.
Харут-Марут — по преданию, два ангела, владеющие искусством колдовства, были изгнаны из рая и низвергнуты в бездонную яму.
Хызр — чудотворец, хранитель живой воды.
Хыркэ — власяница, рубище, одеяние дервиша.
Хотан — область в Восточном Туркестане.
Хосров — прозвание некоторых иранских царей из династии Сассанидов.
Шам — Сирия.
Шахнэ — должность; чиновник, охраняющий в городе порядок.
Човган — клюшка для игры в конное поло; название самой игры.
Юсуф (Юсуп, библия. Иосиф Прекрасный) — герой поэтических произведений Востока.
Яздан — буквально тот, кому надлежит приносить жертву, древнее зороастрийское обозначение божества.
Якуб (библия. патриарх Иаков, отец Иосифа Прекрасного) — образ терпеливого отца-страдальца.

НА ИЛЛЮСТРАЦИЯХ

Миниатюры взяты из книги М. М. Ашрафи «Персидско-таджикская поэзия в миниатюрах XIV — XVII вв.» (Душанбе, 1974 г.)

В школе.

Битва Науфаля с племенем Лейли.

Искандер и Нушанбе.

Игра в поло (човган).

Хосров у замка Ширин.

На обложке: встреча Ширин с Фархадом в горах.

На фронтисписе: портрет Низами. Из фонда Литературного музея им. Алишера Навои. Художник А. Сесекин.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Низами. Предисловие Шаислама Шамухамедова 3

ГАЗЕЛИ

«Готова молодость твоя откочевать...» Перевел К. Липскеров.	5
«О кумир! Мне знак призывный...» Перевел К. Липскеров.	5
«Мне ночь не в ночь...» Перевел К. Липскеров	6
«Во влюбленных, как во львов...» Перевел К. Липскеров.	7
«Спустилась ночь. Явись, Луна...» Перевел П. Антокольский	7
«Краса! Краса! Грабитель душ!..» Перевел Ив. Бруни	8
«Я всю ночь не сплю, мечтаю...» Перевел Ив. Бруни	9
«За тобою влекущийся...» Перевел К. Липскеров	9
«Гнет страсти мне в сердце...» Перевел Ив. Бруни	10
«Сердца людей забирать в полон...» Перевел О. Румер	10
«Я полюбил тебя...» Перевел Ив. Бруни	11
«В ночи я знаю...» Перевел А. Тарковский	12
«Тоскую о красе твоей...» Перевел С. Шервинский	12
«Знай: чудо красоты твоей...» Перевел С. Шервинский	13
«Мир покаянья моего...» Перевел С. Шервинский	14
«Спеши, о, спеши...» Перевел Ив. Бруни	14
«Скорбь моя благословенна...» Перевел Ив. Бруни	15
«Расступился черный мускус...» Перевел А. Тарковский	16
«Ты видишь: я твой давний друг...» Перевел А. Тарковский	16
«О день мой счастливый...» Перевел Ив. Бруни	17
«Эй, бабочка, гаси свечу!..» Перевел В. Рождественский	18
«Спать не стоит...» Перевел К. Липскеров	18
«Дивен аромат кумира...» Перевел О. Румер	19
«Лик покажи свой...» Перевел О. Румер	20
«Не было ей равных; скрылась...» Перевел Ив. Бруни	21
«Счастье пьяное мое...» Перевел Ив. Бруни	22
«Влюбленный слеп...» Перевел Н. Асанов	22
«Я хочу тебе открыть...» Перевел Н. Павлович	23
«Глаз мой не видит окрестный мир...» Перевел Н. Павлович	23
«Дух мой кыблу изменил...» Перевел О. Румер	24

«Другим знавала ты меня...» Перевел В. Рождественский	25
«Если нас не осуждаешь...» Перевел О. Румер	25
«Весть! Весть о милой пришла!...» Перевел К. Липскеров	26
«Что ты знаешь о Хабеше?...» Перевел К. Липскеров	26
«Что смятенней...» Перевел А. Тарковский	27
«Тюрки рабами индийскими стали...» Перевел А. Тарковский	27
«Розу пологом колючим...» Перевел А. Тарковский	28
«О Луна, скажи, чьим гостем...» Перевел Ив. Бруни	28
«Месяц неполный прошел...» Перевел К. Липскеров	29
«Так роза на щеках вина смеется...» Перевел Н. Асанов	29
«О кипарис с плавной поступью мой...» Перевел К. Липскеров	30
«О мой кумир...» Перевел Ив. Бруни	30
«Ты рукой мне сжала сердце...» Перевел Ив. Бруни	31
«Как безмерно я терзаюсь...» Перевел О. Румер	31
«Клянусь, о душа!...» Перевел Ив. Бруни	32
«Впору мне груз твой...» Перевел М. Тарловский	32
«Если сперва — жертвой твоей...» Перевел М. Тарловский	33
«В жертву тебе...» Перевел М. Тарловский	34
«Юность всю тебе я отдал...» Перевел Ив. Бруни	34
«Кыбла всем в широкой пустыне...» Перевел С. Абрамов	35
«В душе всегда базар...» Перевела О. Анненкова	35
«Красавица, повержен я...» Перевела О. Анненкова	36
«Может быть, эту газель прочитав...» Перевел Ив. Бруни	37
«Я, скорбя по тебе...» Перевел С. Абрамов	38
«Друг, утешься...» Перевел С. Абрамов	38
«О спеси думай ты...» Перевел С. Абрамов	39
«Взгляни на щеки милой ты...» Перевела О. Анненкова	40
«Жить в заботе...» Перевел Ив. Бруни	40
«Любовь пришла, чтоб день мой угасить...» Перевела Т. Спендиарова	41
«Рая красавицы ныне вступают в дружбу с тобой...» Перевел А. Тарковский	41
«Где путь в кумирню?...» Перевел А. Жаров	42

КЫТЪА

«Ночью к другу одиноко...» Перевел Н. Павлович . . .	43
«Разъяснение любви...» Перевел Н. Асанов	43
«Если мы поравнялись с тобой...» Перевел Н. Асанов .	43
«Спросила ты, легко ль тебе...» Перевел А. Жаров . . .	44
«Как мотылек, свече добычей стань...» Перевел А. Жаров	44
«Ты знакома глазу моему...» Перевела Т. Стендиарова	44
«Ты пощади себя, сердце храни свое...» Перевел Н. Павлович	45
«Где доблестный найдется муж...» Перевел К. Лип- скеров	45

РУБАИ

Переводы О. Румера	46
------------------------------	----

КАСЫДЫ

«Караван пришел в движение...» Перевел Е. Долма- товский	49
«Увы, на этой лужайке...» Перевел А. Кочетков . .	50
Сокровищница тайн. Отрывок из поэмы. Перевела М. Шагинян	55
Семь красавиц. Отрывок из поэмы. Перевел В. Дер- жавин	70
Комментарии	122
На иллюстрациях	124

Низами.

Избранное. Пер. с фарси. (Редкол.: Абдурахманов Ф. А. и др.); Сост. и вступит. статья Ш. Шамухамедова. — Т.: Изд. ЦК КП Узбекистана, 1982. 128 с. + 7 илл. — Избранная лирика Востока.)

В надзаг.: АН УзССР, Ин-т рукописей им. Х. С. Сулейманова.

С(Аз)

Избранная лирика Востока

НИЗАМИ

Из б р а н н о е

Издательство ЦК Компартии Узбекистана
Ташкент — 1982

Техредактор Г. Ломиворотова
Корректор А. Никитина.

Сдано в набор 05.02.82. Подписано в печать 25.11.82.
Формат 70×90 $\frac{1}{32}$. Бумага № 2. Гарнитура школьная.
Печать офсетная. Усл.печ.л. 4,68 + 7 вкл. Уч.-изд.л 4,91
Тираж 280000. Заказ № 2789.

Цена на мелованной бумаге — 75 коп.,
на типографской бумаге — 65 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени типография Издательства ЦК
Компартии Узбекистана, Ташкент, ул. «Правды Востока», 26